

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛБЕ

GATACA,
ИЛИ ПРОЕКТ «ФЕНИКС»

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Франк Тилье

Gatasa, или Проект «Феникс»

«Азбука-Аттикус»

2011

Тилье Ф.

Gataca, или Проект «Феникс» / Ф. Тилье — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-07064-6

В клетке с приматом найден растерзанный труп девушки, изучавшей эволюцию видов. Одиннадцать человек арестованы за чудовищные преступления. Человек, жестоко расправившийся с невинными детьми, покончил с собой. Что стоит за беспричинными вспышками насилия? Когда в следующий раз сработает бомба замедленного действия? За расследование берутся Люси Энебель и Франк Шарко. Героям предстоит отправиться в джунгли Амазонии, где притаилось древнее зло, ждущее своего часа, чтобы, подобно бессмертной огненной птице, восстать из пепла.

ISBN 978-5-389-07064-6

© Тилье Ф., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Моим читателям	6
Пролог	7
1	13
2	17
3	24
4	28
5	33
6	37
7	41
8	44
9	48
10	53
11	56
12	63
13	65
14	69
15	73
16	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Франк Тилье

Проект «Феникс»

© 2011, Fleuve Noir, Département d'Univers Poche

© Василькова Н., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»», 2013.

Издательство Иностранка®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Эстебану и Тристану,
которые, подобно миллиардам других муравьев, вносили свою
скромную лепту в великое строительство под названием Эволюция*

*Живые организмы существовали на Земле, не зная для чего, более
трех тысяч миллионов лет, прежде чем истина осенила наконец одного
из них.*

Ричард Докинз. Эгоистичный ген¹

*...Разум стремится объять не только то, что можно и нужно
делать, но и то, что делать можно, но верней всего не нужно.*

Умберто Эко. Имя Розы²

¹ Перевод Н. Фоминой.

² Перевод Е. Костюкович.

Моим читателям

Меня часто спрашивают, откуда я беру темы своих книг. Может быть, они появляются из хроники происшествий? Или возникают, когда я люблю пейзажем? На углу улицы или при взгляде на журнальную страницу? Откровенно говоря, я и сам толком этого не знаю. У меня нет ни тайн, ни методов. Я верю скорее в щелчок, в случай: как будто видишь круговерт листьев, сорванных с ветвей и несомых бурей, и вдруг – бац! – различаешь среди многих один, тот, который подлетит и прилепится именно к твоей щеке.

Я уже больше двух лет обдумывал вторую книгу дилогии о жестокости, когда попал – ну, скажем, не случайно – на доклад, посвященный проблемам эволюции. Среди прочего докладчик рассказал нам, что однажды Чарльз Дарвин получил от кого-то из своих знакомых мадагаскарскую орхидею, научное название которой *Angraecum sesquipedale*, а разговорное – «Звезда Мадагаскара». У цветка оказался необычайно длинный – двадцать пять – тридцать сантиметров – шпорец, на самом дне которого собирался нектар. Ни одна из известных Дарвину бабочек не обладала хоботком, который позволил бы проникнуть на такую глубину. Но каким же тогда образом опылялся этот цветок – ведь без опыления «Звезда Мадагаскара» была бы обречена на вымирание? Дарвин предположил, что на острове должна существовать бабочка с хоботком длиной до тридцати сантиметров – бабочка, способная достать нектар со дна шпорца этой орхидеи. Сорок один год спустя на Мадагаскаре была обнаружена бабочка, получившая в честь предвидения Дарвина символическое название *Xanthopan morgani praedicta*³: длина ее хоботка действительно двадцать пять – тридцать сантиметров.

Это произвело на меня глубочайшее впечатление, и я подумал, что здесь наверняка найдется материал для книги. И погрузился в биологию, эволюцию, генетику, попутно размышляя над сюжетом, с которым вам предстоит познакомиться. Алхимия слов сделала остальное.

В этой книге на сцену вновь выходят Люси Энебель и Франк Шарко. Их история не закончилась на последней странице «Монреальского синдрома», ведь в самом конце их ожидало весьма неожиданное событие. Но специально для новых читателей хочу подчеркнуть, что если персонажи остались прежними, то история, излагаемая здесь, никак не связана с предыдущей.

А теперь мне остается только пожелать вам всем приятного чтения.

³ Praedicta – предсказанная (лат.).

Пролог

Август 2009 года

В тот день не должно было быть хорошей погоды.

И не должно было быть у людей на этой земле права смеяться, бегать по пляжу и дарить друг другу подарки. Кто-то или что-то должно было им помешать. Нет, не имели они права ни на счастье, ни на беззаботность. Потому что там, в комнате-холодильнике, находившейся в самом конце лабиринта ужасных коридоров, под лампами дневного света лежала девочка и мерзла.

Теперь она всегда будет мерзнуть. Всегда.

Согласно официальному сообщению, неопознаваемое тело девочки – предположительно от семи до десяти лет – было найдено вблизи дороги регионального значения, между Ниором и Пуатье. Когда новость дошла до лилльской бригады криминалистов, Люси Энебель, даже не разузнав точно, при каких обстоятельствах обнаружили труп ребенка, сразу понеслась туда. Больше пятисот километров на чистом адреналине, несмотря на усталость, на нестерпимую душевную боль, на терзающий ее страх перед непоправимым, с одной стучащей в голове фразой: «Господи, только бы не одна из моих дочек, Господи, пожалуйста, только бы не одна из моих дочек!» Люси, которая никогда не знала молитв, которая забыла запах свечей и ладана, истово молилась. Она отчаянно надеялась, что там окажется другой ребенок, другая девочка, которая исчезла, но не успела попасть в полицейские сводки. Может быть, ту девочку похитили вчера. Или сегодня. И тогда несчастными станут другие родители, не она.

О, пожалуйста, только не она!

Люси снова и снова убеждала себя: речь о совсем другом ребенке. Не важно, что от Сабль-д'Олон, места, где пропали Клара и Жюльетта Энебель, до места, где нашли тело, довольно близко, – это просто дело случая. И то, что между исчезновением девочек и моментом, когда она ступила на парковку Института судебной медицины Пуатье, прошло всего пять дней, – тоже случайность.

Другой ребенок... Но тогда почему Люси здесь, совсем одна, так далеко от дома? Тогда почему резкая кислота то и дело подкатывает к горлу и кажется, что ее вот-вот вырвет?

Конец дня, а асфальт обжигает сквозь подошвы. Воздух насыщен парами этого расплавленного асфальта, пахнет разогретой резиной – отравы, а не воздух. Отпуск 2009 года – время, проведенное в аду. В ее личном, ее частном аду. А ведь самое худшее еще впереди. Оно впереди, вместе с ужасным словом, которое стучит у нее в голове: «неопознаваемое».

Девочка, которая там лежит, это не моя дочка, это не одна из моих близняшек.

Люси снова взглянула на дисплей мобильного, открыла «входящие», хотя отсутствие конвертика в нижней части маленького экрана указывало, что сообщений не поступало. Но вдруг в пути были проблемы с сетью, вдруг она прямо сейчас получит срочное сообщение: Клару и Жюльетту нашли, девочки чувствуют себя хорошо и скоро вернуться домой, к своим игрушкам.

За спиной хлопнула дверь грузовичка, и она, вздрогнув, вернулась к реальности. Сообщений не было. Люси положила сотовый в сумку и направилась к зданию. По институтам судебной медицины она могла ходить с закрытыми глазами – все они были устроены одинаково. Напротив входа приемная и регистратура, на первом и втором этажах лаборатории, морг и прозекторские в подвале – символично: мертвецы не имеют права на солнечный свет.

Осунувшаяся, с потухшим взглядом, лейтенант полиции Энебель подошла к секретарше за справкой. Говорила неуверенно, еле слышно, с трудом подбирая слова. Связки сели после криков, рыданий, бессонных ночей. В журнале регистрации записано, что труп – вот еще одно ужасное слово, от которого сжимается сердце, – доставлен в 18 часов 32 минуты. Вероятно,

судмедэксперт уже произвел предварительный осмотр тела, и наверняка сейчас, в эту самую минуту, патологоанатом готовится читать историю последних минут жизни погибшей, исследуя ее плоть изнутри.

Другая девочка. Не Клара и не Жюльетта.

Люси с трудом стояла на ногах, колени подгибались, ее шатало. Она шла по коридорам, держась рукой за стену, шла медленно, словно во тьме, а там, на улице, был разгар лета, люди пели и танцевали. Сложнее всего было смириться именно с этим контрастом: кругом продолжается жизнь, а здесь...

Полминуты спустя она приблизилась к двери с врезанным в створку овальным стеклом. Тут просто воняло смертью, и не существовало никаких средств избавиться от этого жуткого запаха. Люси приходилось вести по таким же мрачным коридорам родителей, братьев, сестер – на «опознание», и многие падали в обморок, еще не увидев тела. В том, что приходишь сюда, уже есть что-то невыносимо бесчеловечное. Что-то противоречащее природе.

Она замерла у стекла, через которое было видно, как по ту сторону двери человек в маске идет к столу из нержавеющей стали. Стола, впрочем, она не видела – просто знала, что такой стол там есть. Сколько раз она переживала подобные сцены, и сколько раз чувствовала при этом, что вот оно – начало нового дела, нового расследования, сколько раз надеялась, что дело будет волнующим, даже необычным, выдающимся. Она была совсем как этот чертов судмедэксперт, для которого мертвый ребенок всего лишь еще один объект изучения и который, вернувшись домой с работы, нальет себе рюмочку и сядет смотреть телевизор.

Но сегодня для нее все иначе. Сегодня она полицейский и потерпевшая в одном лице. Она и охотник, и добыча. И мать у тела мертвого ребенка.

Только не одна из моих дочек. Неизвестная девочка. Чужая девочка. Другие родители скоро будут плакать здесь – на том месте, где сейчас стою я.

Почерпнув в этих заклинаниях немного мужества, Люси взялась обеими руками за дверную ручку, вдохнула так глубоко, как только смогла, и шагнула вперед.

Пятидесятилетний мужчина припарковался в глубине стоянки Института судебной медицины позади фургончика, в котором привезли оборудование. Стратегически удобная позиция: отлично видно, кто входит в здание, кто выходит, а сам не привлекаешь ничьего внимания. Трехдневная, по меньшей мере, щетина, глаза за темными очками с кое-как склеенной и обмотанной скотчем дужкой, лоб в мелких капельках пота – незнакомец смахивал на злоумышленника. Эта жара, эта проклятая жара, как она давит, до чего липкий, плотный воздух... Не переставая обдумывать ситуацию, он приподнял очки, вытер носовым платком веки. Что лучше: пойти туда первым и первым узнать, что там с телом девочки, или подождать, пока выйдут ребята из судебной полиции, присутствовавшие при аутопсии, и спросить их?

Притулившись на заднем сиденье своей машины, Франк Шарко массировал виски. Долго-долго. Сколько же часов он не спал? С каких пор по ночам он только ворочается в постели с боку на бок, съезжившись под одеялом, как провинившийся мальчишка? Из радиоприемника лилась тихая музыка, в открытые окна врывался не легкий ветерок, а все тот же душающе-жаркий воздух, веки сами собой опускались, голова клонилась набок, но, не дав ей соприкоснуться с подголовником, он рывком вернулся в вертикальное положение – телу хотелось спать, мозг не давал ему заснуть.

Комиссар полиции из Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности плеснул из бутылочки на ладони теплой минеральной воды, провел мокрыми ладонями по лицу и вышел из машины немного размяться. От жаркого воздуха одежда еще сильнее прилипла к телу. Франк казался себе идиотом. Он мог войти в институт, предъявить служебное удостоверение с трехцветной полосой, ему разрешили бы присутствовать при вскрытии. Он

получил бы сведения из первых рук, все было бы сделано на автомате, профессионально. Если ты двадцать пять лет работаешь в полиции, и двадцать из них – «на земле», сколько раз ты уже видел останки, искромсанные остро заточенными инструментами судмедэксперта? Двести? Втрое больше?

Но только не детей: он больше не мог видеть, как вскрывают детское тельце, как сверкает скальпель над хрупкой, неестественно белой детской грудью. Будто поцелуй Зла. До чего же ему нравилось встречаться глазами с малышами Энебель – там, на пляже. Они играли в мяч, бегали по лужам, а их мама наблюдала за ними нежным взглядом. Это были каникулы, это была беззаботность, это было простое счастье на четверых. А потом, Господи, потом голубоглазые двойняшки пропали. Пропали из-за него.

Почти неделю назад.

Одна из самых долгих, самых мучительных недель после того, как не стало его собственной семьи.

Что покажет вскрытие, что покажут биологическая, токсикологическая экспертизы? Какими дьявольскими письменами покроется белая бумага, которую выплюнет лабораторный принтер? Шарко знал наизусть маршрут смерти, его неумолимую последовательность внутри полной непоследовательности. Он понимал, что даже после смерти человеческое существо не находит упокоения ни в руках полицейских, ни в руках медиков до тех пор, пока не закончится следствие по делу об убийстве. Мгновение назад это тело было полно жизни – и вот оно уже просто предмет, не более чем объект исследования. Франку претило подобное отношение. А если говорить о людях, способных убить ребенка... Комиссар сжал руки так, что фаланги пальцев побелели.

Поблизости зарокотал мотор, и Шарко сообразил: кто-то паркуется. Спрятался за фургончик и минуты две переминался с ноги на ногу, даже через подметки ощущая жар асфальта. Все суставы хрустели, как сухое дерево. Не выдержав, он вернулся в свою старенькую машинку. Он чувствовал себя совершенно больным, прямо-таки на пределе сил, но боролся, боролся...

Но тут, почти в ту же секунду, показалась она, и все внутри него окончательно рассыпалось на кусочки. Джинсы, серая, не заправленная под пояс майка, кое-как собранные в конский хвост волосы. Небесно-голубые глаза уже не освещают лицо. Люси Энебель напоминала сейчас выцветшее, поврежденное полотно великого мастера, как и он сам, наверное. Видеть ее такой, видеть, как она пошатывается, словно ноги отказываются ей служить, было нестерпимо больно.

Значит, она тоже в курсе, она узнала сразу же. Она же следила за сводками, следила за всеми бригадами криминалистов, которым поручались дела, связанные с детьми, сама звонила, и ей звонили. И она примчалась сюда по первому же сигналу. Только, черт побери, что Люси собирается делать здесь, в этом склепе? Присутствовать при вскрытии собственного ребенка? Даже он, Шарко, тогда, много лет назад, не решился участвовать в посмертном изучении его малышки Элоизы. Такое хуже, чем проглотить гранату с выдернутой чекой.

Он не решился, а как же мать, любящая мать, как она найдет в себе силы на подобное? Откуда эта потребность в страдании, это желание снова и снова разжигать в себе ненависть? А если сейчас погибла неизвестная девочка? Тогда Люси Энебель обречена ездить из морга в морг, искать своих дочерей до тех пор, пока сама не сгорит на медленном огне? А если она найдет одну, а вторую нет? А если вторая не найдется никогда? Как тут не сойти с ума?

Он сидел, вцепившись в руль, и думал, что теперь делать. Идти за ней? Остаться здесь и ждать, пока она выйдет? Но разве, когда пьяная от горя, полумертвая Люси выйдет оттуда, он усидит на месте, разве он сможет не броситься к ней? Не прижать ее к себе изо всех сил, не шепнуть на ухо, что когда-нибудь черная полоса кончится и все пойдет лучше, гораздо лучше?

Нет. Никакого другого решения нет и быть не может: он должен бежать. Он слишком любит эту женщину.

Он повернул ключ в замке зажигания и выехал со стоянки.

Он двинулся в направлении Парижа.

Когда зловецкий силуэт Института судебной медицины исчез из зеркала заднего вида, Шарко понял, что, скорее всего, они больше никогда не встретятся.

Никогда в жизни его не терзали такая печаль и такая ненависть.

Скорее, скорее, плевать на головную боль, плевать на обжигающие слезы и даже на детские ручонки, скребущиеся где-то внутри. Скорее, скорее отсюда – от этого места, отмеченного печатью смерти. Люси ничего не ела, ничего не пила, ее тошнило. Она действовала на адреналине, на нервной энергии, неслась, не обращая внимания на ограничения скорости. Фонари на обочинах шоссе мелькали, сливаясь в светящиеся линии. Если она врежется в парапет, – что ж, тем лучше! Гнать, гнать на бешеной скорости, рулить до полного изнеможения, оставляя позади себя километр за километром, чтобы не думать, никогда больше не думать. Но, несмотря ни на что, образы сами собой всплывали и затопляли память. Люси видела перед собой маленькие, чересчур маленькие для таких огромных прозекторских столов тела под не дающей тени хирургической лампой, слышала веселое позвякивание инструментов...

Пусть этого не случится. Пусть не падет на нее это проклятие: опознать собственное дитя. Одну из своих дочек, своих близняшек. Этих источников жизни, которые она носила в себе, которые были с ней восемь лет. Они были с ней всегда – днем и ночью, когда болели и когда веселились на школьных праздниках, и каждую их черточку, каждую самую крошечную подробность лица и тела, скрытую от любых других глаз, она знает наизусть.

Кровь от крови ее.

Надо набраться терпения, теперь секунды, подобно медленному яду, потекут по ее жилам, а там, в конце пути – страшное. Либо ее мертвая девочка, одна из двух, либо обе ее девочки еще в руках палача. Ужас или ужас из ужасов.

Какое чудовище их похитило? Зачем? Девочки пропали на пляже Сабль-д'Олон, когда отправились покупать мороженое. Меньше чем за минуту растворились в толпе. Несчастный случай или за ними давно следили? С какой целью? Люси не переставая прокручивала в голове всевозможные сценарии, один страшнее другого, она уже изнемогала, но конца крутящимся перед глазами кошмарам не предвиделось.

И все это произошло из-за Франка Шарко. Она не желает больше видеть его – никогда в жизни, пусть сдохнет к чертям. Нет, не так: она готова придушить его собственными руками.

Что ждет ее в ближайшее время – ожидание анализов, результатов расследования и поисков убийцы? Какой дьявол мог так сорвать зло на ребенке? Где бы он ни спрятался, хоть на другом конце земли, Люси отыщет его, на это ей сил хватит.

Это не Клара и не Жюльетта. Она там сегодня видела не Клару и не Жюльетту. Это... это совсем другое.

Три часа ночи. За окном ее квартиры в студенческом квартале Лилля застенчиво мерцает лампа. Симпатичная квартирка, всегда полная жизни, разговоров, человеческого тепла. На бульваре перед домом сейчас пусто, светофор подмигнет то красным, то зеленым, то желтым глазом, и в этой монотонности есть что-то от конца света. Люси страшно подниматься к себе. В четырех стенах без Клары и Жюльетты хуже, чем в гробу.

Ее мать, Мари Энебель, держалась на кофе и лекарствах. Сейчас, в три часа утра, эта полная энергии женщина с обесцвеченными прядками в коротких волосах, этот стук энергии, казалась постаревшей на десять лет. Из-за работы дочери растить близняшек пришлось ей, она меняла им памперсы, кормила из бутылочек, сидела с ними, когда они болели или когда их мать в ночной засаде подстерегала злоумышленника.

А сегодня – о боже! – сегодня...

Люси замерла в дверном проеме лицом к матери, на скулах обозначились желваки. Если бы она могла сбежать, если бы она могла удрать куда-нибудь далеко, подальше отсюда, и никогда не возвращаться. Идти и идти по длинному песчаному языку, уводящему в океан. Она уже думала о том, что будет завтра, о том, как она станет просыпаться по утрам (если, конечно, научится засыпать) и видеть пустые кровати в розово-зеленой детской, игрушки, ожидающие, когда их приласкают. Слопенка, которого Жюльетта выиграла на ярмарке. И бегемотика, с которым Клара так любила обниматься. Все эти милые памятные вещи – как разверстые раны.

Поскольку Люси не двигалась, мать сама подошла к ней, обняла – со вздохом, не сказав ни слова. А что можно сказать в такую минуту? Что близняшек в конце концов найдут живыми и все кончится хорошо? Люси, лейтенант полиции, и Мари, мать лейтенанта полиции, – они лучше кого бы то ни было знали, что после сорока восьми часов шансы обнаружить похищенного ребенка живым стремятся к нулю. Так устроена жизнь, такова статистика.

Мари заметила, что дочь сжимает в побелевшем кулаке прозрачный пакет, и сразу поняла. Там была маска, пластиковая пробирка, пара резиновых перчаток, розовый картонный прямоугольник в герметичной упаковке и три стерильных ватных тампона на палочках, какими берут анализ на ДНК.

Дочь прошептала ей в спину:

– Как я сделаю это, мама? Как я с этим справлюсь?

Измученная Мари села на кушетку. Несмотря на то что этой высокой изящной женщине было уже под шестьдесят, она не утратила привлекательности, и даже сейчас, когда все ее существо взывало о помощи, она держалась, держалась...

– Я буду здесь. Я всегда буду с тобой.

Люси, шмыгнув носом, кивнула.

– Ребенок, девочка, на прозекторском столе... Я прокляла ее, я ее прокляла, мама, за то, что она не избавила меня от сомнений. Это не мой ребенок. В глубине души я уверена: это не мой ребенок. Как могла бы одна из моих девочек оказаться там? Как они... как они могли бы сделать ей больно? Нет-нет, это невозможно.

– Я знаю, что невозможно.

– Я уверена... уверена, что это чудовище, этот зверь, уверена, что он стоял и смотрел, когда разгорался огонь. Он смотрел.

– Люси...

– Может быть, они быстро его поймают, очень быстро. Может быть, он удерживает у себя других девочек, а мои дети...

– Может быть, Люси, может быть...

В голосе Мари звучало смирение, и для Люси это был знак: мать покорила судьбе, ее не переубедишь.

Сил говорить не осталось. Люси, не зажигая света, зашла в ванную, вымыла руки – каждая рука весила тонну, вскрыла пакет, который ей дали в лаборатории криминалистики, достала и надела перчатки, вернулась в гостиную, посмотрела на Мари, Мари посмотрела на нее – и отпрянула, прижав к губам дрожащие пальцы.

Офицер судебной полиции знает, как это делается. Люси осторожно ввела в открытый рот одну из стерильных палочек, так же осторожно провела несколько раз белой ваткой, впитывающей слюну, по внутренней поверхности щеки, стерла плечом слезы с лица: ничто не должно влиять на ее действия, даже материнское горе. Она понимала, что совершает сейчас нечто до ужаса нереальное: с помощью собственной ДНК ищет доказательства, что одна из ее дочерей мертва.

Она плотно прижала ватный тампон к указанному на розовой пластинке месту, чтобы ее ДНК туда впечаталась. Потом вернула пластинку в предназначенный для нее пакетик и

наглухо заклеила большой пакет толстым красным скотчем с надписью: «Не вскрывать! Опечатано полицией».

Завтра рано утром мазок будет отослан в частную лабораторию, где окажется рядом с сотнями других. Ее будущее – их будущее – зависит от обычной молекулы, которую и увидеть-то невозможно. Последовательность из миллионов букв А, Т, Г, Ц⁴, складывающаяся в уникальный генетический код, которая столько раз помогала следствию.

Несмотря на веру, несмотря на надежду, Люси не могла не думать о том, что, возможно, очень скоро ей придется жить без своих звездочек. Но если такое случится, как она тогда сможет существовать?

⁴ А(аденин), Т(тимин), Г(гуанин), Ц(цитозин) – химические элементы, из которых состоит ДНК.

1

Год спустя

Группа Маньяна из Парижского уголовного розыска прибыла на место преступления первой. Драма разыгралась на территории Венсенского леса, поблизости от зоопарка и озера Домениль, откуда до знаменитого дома тридцать шесть по набережной Орфевр⁵ – всего-то несколько километров. Гол убое небо, прозрачная вода озера, прохладно – все-таки начало сентября. Летом погода постоянно менялась, часто налетали ураганы с проливным дождем, и сейчас город наконец-то смог передохнуть.

Тело нашел на рассвете пробежавший мимо джоггер. Мобильник висел у него на груди, и он сразу же набрал 112⁶. Меньше чем через час информация от дежурного полицейского поста долетела до коммутатора уголовного розыска, а оттуда на третий этаж лестницы «А», подняв на ноги дежурных офицеров.

Мужчину лет сорока на вид, сидевшего за рулем зеленого «поло», похоже, несколько раз ударили в грудь холодным оружием, причем неожиданно: он даже не успел отстегнуть ремни безопасности. Джоггера удивило положение головы жертвы – подбородок упирался в грудь. Стекло со стороны водителя было опущено донизу.

Франк Шарко, номер второй в группе из четырех офицеров, постарался обогнать других и выйти на место первым, его непосредственный начальник и коллеги отстали метров на десять. Он пересек границу, обозначенную двумя полицейскими с дежурного поста, и приблизился к машине, стоявшей на окруженной деревьями полянке, незаметной для посторонних взглядов.

На набережной Орфевр, разумеется, прекрасно знали Венсенский лес, особенно ту часть, что ближе к бульварам, ну и местечки, где собирались поочередно трансвеститы, проститутки и транссексуалы, участок же, где нашли тело, был чуть в отдалении и считался спокойным. Хотя, если подумать: с одной стороны – зоосад, с другой – озеро, чем не идеальное место для убийства? Ни тут ни там никаких свидетелей.

Шарко, в висевших мешком джинсах, черной майке и своих любимых, готовых развалиться легких туфлях, натянул резиновые перчатки, просунул руку в открытое окно машины, схватил жертву за подбородок и резко повернул голову убитого к себе. Капитан Маньян, который из пятидесяти лет жизни двадцать два года отдал работе «на земле», кинулся вперед и в бешенстве потянул Шарко за рубашку:

– Ты что это делаешь, черт тебя побери?

Комиссар аккуратно вернул голову трупа на место, осмотрел запятнанную кровью одежду, бледное лицо, заглянул в мертвые глаза.

– Кажется, я его знаю... А ты? Ну-ка, глянь!

Маньян метал громы и молнии. Он продолжал тянуть к себе комиссара, будто тот был не коллегой, а обычным правонарушителем.

– Тебе что – совсем наплевать на установленный порядок? Смеешься надо мной или как?

– Фредерик Юро... Да-да, конечно же это он, Фредерик Юро. Он был у нас фигурантом лет десять назад. Я тогда вел это дело, а ты был у меня в подчинении, припоминаешь?

– Сейчас меня интересуют не дела десятилетней давности, а ты!

Шарко внимательно смотрел на начальника, звание которого было ниже его собственного. Вот только когда Франк подал ходатайство о перемещении по службе, он остался комиссаром лишь по званию – ну и иногда его окликали: «Привет, комиссар!» По должности он был

⁵ В доме № 36 по набережной Орфевр на острове Сите расположено Региональное управление судебной полиции Префектуры полиции Парижа.

⁶ 112 – единый для стран ЕС номер экстренного вызова.

теперь простым лейтенантом. Такова была цена возврата на «землю», к подонкам, к грязи и мерзости, после нескольких лет в чистеньком кабинете в Нантерре, где он, не вставая с кресла, занимался анализом поведения преступников. Но Шарко сам хотел, чтобы его перевели на эту работу, пусть даже в результате он оказался в подчинении у такой сволочи, как Маньян. Его ходатайство удивило всех прежних коллег: просьбы о понижении офицера в чине для французской полиции – большая редкость. Франку предложили тогда возглавить группу в уголовке, но он отказался – хотел закончить карьеру так, как начал: «на земле», с оружием в руках, лицом к лицу с преисподней.

– А помнишь, за что его тогда осудили? – спросил он сухо, будто не слыша воплей начальника. – За то, что он убил двух девчушек, которым и десяти-то не было. Своих собственных дочерей.

Маньян достал чинарик, прикурил, ногти у него были обгрызены.

Тощий нервный мужичонка, кожа лица – как папиросная бумага: серовато-белая, шершавая, туго натянутая на кости. Он много работал, мало ел и очень редко смеялся. Для одних это был человек, от которого лучше держаться подальше, для других – просто мразь и подонок, для самого Шарко – то и другое вместе.

Бертран Маньян не церемонился:

– Ты меня достал! С тех пор как тебя перевели в мою команду, ты непрерывно мне гадишь. Неуправляемые мне в бригаде не нужны! У Белланже освобождается место, так что вали туда без лишнего шума. Оно будет лучше и тебе, и мне.

Шарко согласился:

– Да легко.

Маньян успокоился и теперь уже затягивался с наслаждением, щуря глаза за облаком голубоватого, медленно таявшего дыма.

– Скажи, а с каких пор ты не спишь? Я имею в виду: не спишь больше двух часов в сутки?

Шарко потер лоб с тремя строго параллельными глубокими морщинами. Седеющие волосы отросли, из-за них оттопыривались уши: всю свою жизнь в полиции проходивший с ежиком, он уже бог знает сколько месяцев не был у парикмахера.

– Что-то я не понимаю...

– Да брось ты, прекрасно понимаешь! Физиологически невозможно долго протянуть без сна. Лично я уверен, что сразу загнулся бы, если бы не спал столько, сколько мне надо. У тебя тормоза слетели, *комиссар*, тебе не стоило покидать насиженное местечко в Нантерре. Ты вспомнил этого типа, которого не видел десять лет, но не в состоянии вспомнить, куда положил свою пушку. Ладно, давай-ка возвращайся домой и выпишься как следует. Дрыхни, пока тебя не вызовет Белланже. Иди, иди, избавь меня от своего присутствия.

С этими словами Маньян двинулся к группе. Твердая, как у солдата, походка – мерзавец из мерзавцев и сам этим гордится. Подошел к оперативникам и криминалистам, выгружавшим из машин свои чемоданчики, свои папки с бумажками и свои надутые физиономии. «Всегда одно и то же, – подумал Шарко, – стая насекомых-мертвousedов, готовых накинуться на труп, время идет, ни хрена не меняется...»

Он, прикусив губу, в последний раз взглянул на жертву – зрачки убитого уже подернулись пленкой, в глазах навеки застыло удивление: Фредерик Юро умер, скорее всего, не осознав, что пришел его час. Глубокой ночью, в полной темноте – здесь ведь ни одного фонаря. Кто-то постучал в стекло, стекло поехало вниз, дальше этот кто-то просунул в открытое окно нож (или какое там было у него холодное оружие?) и несколько раз ударил водителя в грудь. Преступление свершилось меньше чем за двадцать секунд, без единого крика, без сильного кровотечения. И без свидетелей. Теперь будут искать отпечатки пальцев, делать вскрытие, осматривать в поисках улик местность и опрашивать – если найдут – свидетелей. Многократно обкатанная последовательность действий, благодаря которой раскрывают девяносто пять процентов

уголовных дел. Остаются пять, и тысячами страниц, скопившихся в ходе их расследования, забиты кабинеты в верхнем этаже уголовной полиции. Горсточка особенно хитрых и ловких убийц ускользает сквозь самые мелкие ячейки любой сети. Охотиться на таких – дело тонкое, не каждому под силу.

Словно бросая вызов начальству, Шарко еще разок обошел место преступления, побаловал себя даже осмотром машины, после чего исчез, ни с кем не попрощавшись. Все смотрели ему вслед молча – все, кроме Маньяна, который продолжал драть глотку.

Плевать. В эту минуту Шарко и впрямь видел не особенно ясно, и ему очень хотелось спать.

Ночь. Шарко стоит посреди ванной на новеньких электронных весах. Весы откалиброваны с точностью до ста граммов, все выверено, ни малейшей ошибки быть не может, на циферблате семьдесят килограммов двести граммов. Столько он весил в двадцать лет. При росте метр восемьдесят пять! Стали, как прежде, видны брюшные мышцы, резко обозначились ключицы. Он с гадливостью ощупал это болезненное тело. Сделал отметку на графике, начерченном на листке бумаги и приклеенном к стене несколько месяцев назад. Отметкой обозначался его сегодняшний вес. Линия, представлявшая собой изменения в весе, неуклонно шла вниз – если так пойдет и дальше, бумаги не хватит и придется продолжать прямо на кафеле.

Как был, полуголый, он вернулся в спальню – комната выглядела нежилой. Кровать, шкаф, разобранные и сваленные горой в углу рельсы от железной дороги, миниатюрные поезда. Радиобудильник, звука которого он не слышал уже целую вечность, показывал три часа семь минут.

Уже скоро.

Он сел по-турецки посреди матраса и принялся ждать. Веки его подрагивали, глазами он впился в наглые красные цифры.

Три восемь... Три девять... Шарко помимо воли стал мысленно отсчитывать секунды: шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Ритуал, от которого ему никак не удавалось отделаться, повторявшийся из ночи в ночь. Адское пламя в его сожженном мозгу.

Цифры, обозначающие минуты, менялись.

Три десять. Ощущение взрыва, конца света.

Год и шестнадцать дней назад, ровно в это время, у него зазвонил телефон. В ту ночь он тоже не спал и сразу узнал мужской голос, прозвучавший в трубке: голос сотрудника лаборатории научно-технического подразделения полиции Пуатье, сообщившего ему самое страшное. Слова доносились будто с того света:

Результат определенно положительный. Сравнительное исследование ДНК Люси Энебель и сожженной в лесу жертвы показало, что погибшая девочка – либо Клара, либо Жюльетта Энебель, на данный момент мы не можем сказать более точно. Очень сожалею.

Шарко, совершенно измученный, нырнул под одеяло и натянул его до подбородка в тщетной надежде поспать хотя бы пару часов. Просто чтобы выжить. Лишь те, кто по-настоящему страдает бессонницей, знают, как долги ночи, как беснуются по ночам призраки... как отдаётся громом в голове каждый ночной шорох... как жгут голову ночные мысли... Пытаясь избавиться от привычной пытки, старый полицейский перепробовал, кажется, всё – и всё напрасно. Он пробовал лежать не шелохнувшись, пробовал разные снотворные, пробовал ровно дышать, пробовал даже изнурять себя спортом. Он падал от усталости, тело сдавалось, мозг – нет. А советоваться с психотерапевтом он не желал: довольно с него врачей, которые и так чересчур долго доставали его в связи с шизофренией.

Никогда, никогда не дожидаться ему душевного покоя.

Он закрыл глаза и попытался представить себе желтые воздушные шары, поднимающиеся и опускающиеся вместе с волной, – может быть, шарики помогут ему заснуть. Некоторое время спустя он услышал наконец гул прибоя, услышал шепот ветра и шелест песка. Руки Франка отяжелели, тело начало цепенеть, он ощущал даже, как сердце гонит кровь в его истощенные мышцы. Но как всегда, стоило ему задремать, пена на гребнях волн окрасилась алой кровью, а наполовину сдутые шарики выбросило на пляж, по которому тянулись только черные тени ребятишек.

И он подумал о ней, снова о ней. О Люси Энебель. Вспомнил ее лицо, ее улыбку, ее слезы – всё, из чего складывался теперь ее образ. Где она, что с ней? Из своих источников Шарко узнал, что через несколько дней после ареста убийцы и трагедии, которую, кажется, невозможно перенести, Люси подала в отставку. Но с тех пор? Удалось ли ей вынырнуть из черного омута или, подобно ему самому, она до сих пор на дне пропасти? Каковы ее ночи, из чего складываются ее дни?

Истерзанное сердце больного полицейского забилося сильнее. Слишком сильно, так и вовсе не осталось надежды заснуть. Что делать? Шарко повернулся на бок и попытался начать все сначала: волны, воздушные шарики, разогретый песок пляжа...

В понедельник шестого сентября телефон зазвонил в двадцать две минуты восьмого, когда он в одиночестве пил привычный с некоторых пор кофе без кофеина, тупо глядя в не разгаданный даже на треть кроссворд. Прочитал: «Бог зла и насилия», написал в клеточках: «Сет», и снова надолго задумался, не сводя глаз с газеты: слишком он был взбудоражен. Раньше он покончил бы с таким кроссвордом за пару часов, но теперь...

Голос в трубке, а звонил Николая Белланже, его новый начальник, предложил ему как можно быстрее приехать в Мёдон: там, в четырех километрах от Парижа, находится Центр приматологии, в котором, в одной из клеток, найден труп женщины, по-видимому растерзанной шимпанзе. Надо разобраться.

Шарко сухо попросился. М-да, карьера его близится к концу, ему поручают допрашивать обезьян. Он ясно увидел, как коллеги, один за другим, отбрыкиваются от этого дела и сбавривают его «старика». Он прекрасно представлял себе насмешки, косые взгляды, все эти: «Эй, комиссар, теперь ты колешь мартышек?»

Казалось бы, когда печаль так глубока, ни о чем другом уже не думаешь, но он тем не менее подумал: «Вот я и пал ниже некуда».

2

Обогнув участок, который занимала Мёдонская обсерватория, Шарко с черепашьей скоростью двинулся по узкой лесной дорожке. Рядом сидел новый коллега из команды Белланже – Жак Леваллуа, тридцатилетний, спортивный, с физиономией мальчика-отличника. Жак поступил на работу в уголовную полицию год назад, превосходно пройдя конкурс на лейтенантскую должность при активной поддержке дяди, заместителя начальника бригады по борьбе с наркотиками.

В то утро комиссар был, мягко говоря, не слишком разговорчив. Они с Леваллуа пока еще не работали вместе, но Жак, как и все остальные, отлично знал о бурном прошлом своего нового напарника. О множестве пойманных им жестоких убийц... О сложнейших распутанных им делах... О трагической гибели жены и дочери... И о странной болезни, которая поселилась в голове Шарко, а потом неожиданно отступила... Комиссар был для Жака человеком, уцелевшим в катастрофе, одним из истинных героев, волею судьбы оказавшихся на самом дне, героев, к которым относятся либо с восхищением, либо с ненавистью. Вот только Жак еще не решил, как ему самому относиться к Шарко. Единственное, в чем он не сомневался: комиссар был превосходным следователем.

Местность, по которой сейчас ехали полицейские, казалась отрезанной от мира, хотя находилась в двух шагах от столицы. Сколько видит глаз, деревья, мягкий свет, пышная растительность... Скромная табличка, оповещающая: «Центр приматологии, НИО 6552 ЭЭЭ».

– «ЭЭЭ» означает «Этология-Эволюция-Экология», – объявил Леваллуа, чтобы разрядить атмосферу.

– «Этология-Эволюция-Экология» – с чем это едят?

– Честно говоря, не имею понятия.

Шарко свернул и припарковался на стоянке, где стояло уже штук десять машин, принадлежавших, видимо, сотрудникам Центра приматологии, и одна полицейская. Центр, расположенный посреди леса и огороженный высоким частоколом, напоминал укрепленный лагерь, но калитка сейчас – а как могло быть иначе при таких обстоятельствах? – была распахнута настежь. Офицеры, молодой и старый, молча прошли на территорию и двинулись по направлению к группе оживленно беседовавших в конце грунтовой дорожки мужчин и женщин.

Здесь, в центре, все выглядело естественно. Огромные вольеры по обе стороны дорожки создавали впечатление, что животные находятся на свободе: решетки были совсем незаметными, а проволочная сетка между деревьев выкрашена под цвет листвы. Обезьяны всех пород и размеров играли в вольерах или, покрикивая, висели, уцепившись хвостами за ветки. Лемуры, сбившись в кучки, разглядывали новоприбывших огромными зелеными глазами. Тропические джунгли на парижский лад.

Заметив новоприбывших, от группы отделилась темноволосая женщина с усталым осунувшимся лицом. Когда она приблизилась, стало видно, что ей лет пятьдесят и что она немножко похожа на Сигурни Уивер в фильме «Гориллы в тумане». Леваллуа гордо протянул ей служебное удостоверение с трехцветной полосой в уголке.

– Парижская уголовная полиция. Я – лейтенант Леваллуа, а это...

– Комиссар Шарко, – подхватил тот.

Рукопожатие женщины оказалось неожиданно крепким.

– Клементина Жаспар. Я приматолог и руководитель центра. То, что у нас произошло, ужасно.

– Одна из ваших обезьян напала на сотрудницу?

Жаспар печально покачала головой. Шарко, глядя на ее прожаренную явно не французским солнцем кожу, на пальцы в трещинах, подумал: эта женщина всю жизнь прожила на природе, а шрам на ее предплечье мог остаться от удара мачете.

– Я не понимаю, что произошло. Шери из тех, кто и мухи не обидит. Она просто не могла поступить так жестоко.

– Шери – это...

– Моя обезьяна. Шимпанзе из Западной Африки, она уже очень давно живет у меня.

– Покажете нам, где это случилось?

Клементина кивнула и показала пальцем на длинное белое одноэтажное строение:

– Там у нас питомник подопытных животных и лаборатории. До вас уже приехали двое полицейских из ближайшего участка, один сейчас внутри, а другой... точно не знаю, но, кажется, он осматривает участок и одновременно говорит по телефону. Пойдемте со мной.

Приезжие издали поздоровались с сотрудниками центра, судя по всему чрезвычайно взволнованными произошедшим. Сотрудников было четверо или пятеро, все они держали в руках пластиковые стаканчики с кофе и что-то горячо обсуждали. Шарко внимательно всмотрелся в каждого из них, потом повернулся к Жаспар:

– Чем именно занимается ваш центр?

– Главным образом – этологией. Мы пытаемся понять, как формировались в ходе биологической эволюции сообщества приматов – ведь почти все обезьяны и большинство полуобезьян живут группами, как формировались их познавательные способности. С этой целью мы изучаем, как наши подопечные перемещаются с места на место, как применяют различные орудия, как размножаются. Здесь, на восьми гектарах земли, проживает сотня приматов. Прибыли они сюда из десяти разных стран, но в основном из Африки.

Ни Шарко, ни его коллега ничего не записывали, они даже блокнотов не достали: а зачем, если уже практически все ясно и дело можно заранее считать раскрытым? На ветках деревьев, время от времени меняя высоту, лениво покачивались рыжие мохнатые комья, это была семья орангутанов, к груди одной из самок прочно приклеился малыш.

– А жертва? Что она тут делала? Тоже, пожалуйста, поточнее.

– Ева Лутц училась в университете Жюсьё, специализировалась в эволюционной биологии. Здесь у нас она прожила три недели, готовила свою научную работу.

– А что такое «эволюционная биология»?

– Скажите сначала, а вам известно, что такое «геном»?

– Очень приблизительно.

– Геном – это совокупность всех генов организма, его полный хромосомный набор. Основу генома составляет молекула дезоксирибонуклеиновой кислоты, ДНК. Поскольку в каждом геноме присутствуют двадцать три пары различных хромосом, мы получаем последовательность из более чем трех миллиардов данных, которая является своего рода инструкцией по строительству нашего организма. Так вот, исследуя геномы, мы восстанавливаем историю жизни. Задача эволюционной биологии – разобраться, как появляются новые виды и породы живых организмов, откуда берутся новые вирусы – скажем, вирус СПИДа или вирус атипичной пневмонии, почему одни вирусы исчезают, а другие живучи. А одновременно – ответить на множество вопросов, касающихся эволюции жизни. По какой, например, причине мы стареем и умираем. Вероятно, вы слышали о естественном отборе, о мутациях, о генетических, наследственных заболеваниях?

– Естественный отбор? Что-то такое связанное с Дарвином и его компанией? Смутно себе представляю.

– Хорошо. Вот мы и пришли.

Клементина открыла дверь в питомник. Миновав небольшой кабинет с несколькими компьютерами, они оказались в просторном помещении, заставленном клетками разного размера.

Одни пустовали, в других резвились лемуры. На полках стеллажей громоздились игрушки из яркого пластика: разноцветные геометрические фигуры, пазлы из крупных кусков, какие-то емкости. Пахло тут неприятно: старой кожей и нечистотами. Взволнованная Жаспар остановилась и указала пальцем:

– Вон там это случилось. Можете подойти и посмотреть. А я, простите, останусь здесь, мне тяжело это видеть снова.

– Понятно.

Шарко и Леваллуа подошли к усатому оперативнику, дежурившему на месте преступления, пожали ему руку.

В последней по счету клетке, большом, состоявшем из решеток кубе с ребром метра в три, на полу, среди стружек и соломы, они увидели жертву – девушку лет двадцати трех или двадцати четырех. Поза у девушки была такая, словно она прилегла позагорать: руки свободно закинута назад. На правой щеке глубокая, доходящая до подбородка рана, совершенно явно – от укуса. Блузку на девушке разодрали в клочья, туфли сорвали с ног и выбросили из клетки, теперь они валялись посреди комнаты, в нескольких метрах от тела. Под затылком – лужа крови, посередине лужи – тяжелое металлическое, то ли бронзовое, то ли медное, пресс-папье.

В правом заднем углу той же клетки сидела, сжавшись в комок, обезьяна – вся в крови. Кровь блестела на ее шерсти, на всех четырех конечностях. Обезьяна была большая, черная, с мощной спиной, с длинными тонкими, поросшими волосом руками. Когда парижские полицейские подошли к клетке, Шери подняла голову, посмотрела на них, и комиссар за долю секунды успел прочесть в ее глазах глубокую тоску. Потом обезьяна повернулась к наблюдателям спиной и опять съежилась.

Усатый дежурный крутил в пальцах давно погасшую сигарету.

– Тут ничего не поделаешь. Эта чертова макака не желает сдвинуться ни на сантиметр. Только и ждем вашего указания, чтобы усыпить ее.

Шарко обратился к Жаспар, по-прежнему стоявшей у двери:

– Кто обнаружил тело?

Вопроса она не услышала: быстро подойдя, она уставилась на усатого сумрачным взглядом:

– Шери никакая не макака. Она самка шимпанзе, и я работаю с ней уже больше тридцати семи лет.

Дежурный полицейский пожал плечами:

– Макаки они или кто, но в конце концов, рано или поздно, эти твари всегда на нас нападают. Вот вам и доказательство.

Лейтенант Жак Леваллуа как можно вежливее предложил усачу выйти подышать. Атмосфера становилась все более напряженной, казалось, в воздухе копится электричество. Шарко спокойно повторил вопрос:

– Кто обнаружил тело?

Клементина стояла теперь рядом с ним – маленькая, коренастая, она нервно выкручивала себе пальцы и прилагала все усилия для того, чтобы не смотреть в сторону несчастной жертвы. Шарко знал, что, когда первый прилив любопытства угасает, большинство людей не в состоянии находиться лицом к лицу со смертью. А видеть эту растерзанную девушку было и впрямь невыносимо.

– Эрве Бек, он у нас ухаживает за подопытными животными и каждый день приходит ровно в шесть утра чистить клетки. Когда Эрве вошел сегодня в питомник и увидел то, что увидел, он немедленно вызвал полицию.

– Дверца к летки, когда он вошел, была заперта?

– Нет, распахнута настежь. Эрве сам закрыл ее сразу же, как увидел тело: на случай, если Шери захочет сбежать.

– Где сейчас Эрве?

– Там, снаружи, со всеми остальными.

– Отлично. А это пресс-папье за головой жертвы... откуда оно?

– Из кабинета, в котором работала Ева.

– Как вы думаете, зачем ей понадобилось посреди ночи открывать клетку? И зачем она вошла к обезьяне с пресс-папье?

– Шери – талисман нашего центра. В отличие от всех других животных в клетке она только спит, а остальное время проводит там, где ей нравится, и ходит куда угодно. Иногда она тащит к себе какие-то предметы, причем особенно ей нравятся блестящие. В обязанности Евы входило, заканчивая ежедневные наблюдения за Шери, возвращать шимпанзе в клетку и запирает ее там. Надо еще сказать, что днем Ева чаще всего отсутствовала, она и приходила на работу поздно, и уходила последняя. Мы ей доверяли во всем.

Клементина посмотрела на свою злосчастную коллегу.

– Шери, повторяю, мухи не обидит, она совершенно неопасна. Все приматологи Франции знают эту обезьяну и ценят в ней доброжелательность, ум, а главное – способность выражать свои мысли.

– Способность выражать свои мысли?!

– Да. Шери владеет амесланом, языком жестов, который называют еще американским языком глухонемых. Она научилась ему больше тридцати лет назад в Институте коммуникации между человеком и шимпанзе, в Элленсбурге. Всю свою жизнь я провела рядом с ней, восхищаясь тем, как она быстро продвигается вперед, деля с ней радости и огорчения. И готова повторять снова и снова, что она не способна...

Жаспар вдруг замолчала, похоже, только сейчас осознав очевидное: обезьяна вся в крови, жертва – у ее ног, причина смерти Евы – удар по голове и укус. Но что же такое здесь произошло? Как Шери могла совершить подобное? Клементина попробовала заговорить с животным через решетку, но, несмотря на все усилия приматолога, обезьяна даже не пошевелилась, она словно оцепенела.

– Шери не хочет разговаривать с нами. Думаю, она сильно травмирована, – вздохнула мадам Жаспар.

Шарко и его молодой коллега обменялись понимающими взглядами. Лейтенант вышел, на ходу набирая номер на мобильнике, Шарко пошарил в карманах мешковатых джинсов. Ему было не по себе перед этим несчастным, съезжившимся в углу животным и трупом совсем молодой женщины, в глазах которой нечего было прочесть, кроме пустоты.

– Мадам, вот-вот будет возбуждено уголовное дело, уже началось предварительное следствие. Мой напарник вызывает сюда бригаду криминалистов, которые соберут улики, и полицейских для опроса свидетелей.

Казалось, слова Шарко немножко успокоили директора центра. Но ведь она не понимала, что это все – формальности. Даже если кто-то повесился в запертой изнутри комнате, требуется провести расследование, чтобы подтвердить, что это действительно самоубийство, а не инсценировка, маскирующая преступление. Шарко, разглядывая обезьяну, на минутку задался вопросом, а можно ли снять у животного отпечатки пальцев.

– Вы же понимаете, что всем им нужно будет войти в клетку, нужно будет взять кое-какие анализы у вашей... э-э-э... вашей подопечной, осмотреть ее десны, ее ногти, чтобы убедиться, есть ли там следы крови жертвы: это свидетельствовало бы о нападении. Стало быть, мы вынуждены будем ее усыпить.

Клементина Жаспар некоторое время молча смотрела на толстые прутья решетки, потом не слишком уверенно согласилась:

– Да, понимаю. Но пообещайте мне не делать ей больно и не причинять зла, пока не откроется, что случилось на самом деле. Эта обезьяна более человечна, чем большинство окру-

жающих нас людей. Я подобрала ее в джунглях умирающей, раненной браконьерами, мать Шери убили на ее глазах, она мне как ребенок, в ней вся моя жизнь.

Кто-кто, а Шарко знал, что такое потерять любимое существо, не важно – человека или животное, и он попытался найти для ответа самые нейтральные слова:

– Не могу ничего обещать, мадам, но постараюсь сделать все, что от меня зависит.

Жаспар печально вздохнула и еле слышно сказала:

– Хорошо, спасибо, комиссар. Пойду принесу пистолет для подкожного впрыскивания.

Шарко подошел к клетке поближе, присел на корточки, стараясь не задевать решетку. Не могло быть никаких сомнений: след на лице жертвы оставили челюсти животного. Вполне вероятно – обезьяны, и вполне понятно, как все происходило. Шимпанзе ударила девушку по голове пресс-папье и укусила ее, скорее всего не осознавая, почему и зачем это делает. Комиссар слышал о внезапных приступах ярости у приматов, способных в таком состоянии без всякой видимой причины уничтожить собственное потомство. Может быть, Ева вела себя недостаточно осторожно, может быть, она потребовала чего-то от шимпанзе в неудачное время. Одно точно: ничего хорошего этой бедолаге с оттопыренными ушами без мочек и тяжелой челюстью не светит.

– Тебе тридцать семь, старушка уже, да? А знаешь, тебе ведь столько же лет, сколько женщине, которую я любил... Понимаешь? Свихнуться никогда не поздно, да? Почему ты не хочешь объяснить, что на самом деле произошло?

Вошла Клементина с предметом, странно напоминавшим краскораспылитель. Шарко выпрямился и бросил взгляд на потолок.

– А тут ведь повсюду камеры видеонаблюдения. Вы не подумали, что...

– Это ничего не даст. Именно Ева должна была включить охранную сигнализацию и вообще всё, в том числе и камеры, только после того, как запрет двери.

Клементина вздохнула и направила пистолет на обезьяну.

– Прости, мое солнышко, деточка моя...

Именно в этот момент Шарко обернулся и взглянул женщине прямо в глаза. Вся напряженная, она медленно приближалась к клетке, рука с оружием дрожала.

– Нет, простите, я не смогу!

Шарко взял пистолет с лекарством из рук приматолога:

– Ладно, не надо, я сам.

Обезьяна, которая так и оставалась в углу, слегка выпрямилась, протянула вперед руки ладонями наружу, потом, чуть отпрянув и вжавшись в решетку спиной, поднесла ладони к лицу. Шарко прицелился, но Жаспар вцепилась в его руку:

– Погодите, погодите! Она наконец-то заговорила!

Шери сделала еще несколько знаков: опустив ладони к полу, помахала руками на уровне ушей, будто пугая ребенка, затем прикрыла губы правой рукой и уронила ее вниз. Эту серию жестов шимпанзе повторила три, нет, четыре раза, после чего подошла к телу Евы Лутц и нежно погладила девушку по щеке с укусом. Шарко показалось, что он сроду не видел столько чувства, столько волнения во взгляде живого существа. Это животное действительно прямо-таки излучало глубокую человечность. Сердце старого полицейского сжалось. Какого черта он так расчувствовался из-за этой обезьяны?

– И что же она говорит?

– Она все время повторяет одно и то же: «страх, чудовище, злой... страх, чудовище, злой...»

В Клементине пробудилась надежда.

– Я же вам говорила: Шери невиновна! Сюда кто-то приходил. Кто-то, кто убил Еву.

– Спросите у Шери, видела ли она раньше это «злое чудовище».

Шимпанзе внимательно смотрела на руки и губы приматолога, передававшие ей серию знаков.

– В ее словаре больше четырехсот пятидесяти слов. Если точно сформулировать вопрос, она все поймет.

Шери подумала и покачала головой. Комиссару не верилось: вот прямо рядом с ним женщина разговаривает с обезьяной – нашим родственником, стоящим на соседней ступеньке эволюции.

– Спросите ее, зачем это чудовище сюда явилось.

Снова жесты Клементины, и снова ответ Шери. Большой и указательный палец правой руки – как буква «V», потом обезьяна быстро прикрывает это «V» открытой ладонью левой. Затем указывает на труп. И перевод:

– Убить. Убить Еву.

Шарко почесал подбородок, он был озадачен и настроен в общем-то скептически.

– Что, на ваш взгляд, значит для Шери слово «чудовище»?

– Жестокое, агрессивное существо, намеренное причинить зло. Она совершенно точно говорит не о человеке, потому что в этом случае сказала бы прямо – «человек». Это... это мне трудно понять.

– А что, обезьяны способны придумать или просто соврать?

– Если речь об инстинкте самосохранения, о выживании, им случается «обманывать».

Скажем, в стае начинается драка, все – в кучу, бьются не на жизнь, а на смерть. В этом случае наблюдающая за сражением обезьяна может подать сигнал о нападении извне с единственной целью: чтобы все разбежались, друг друга не покалечив. Раз Шери сказала, что видела чудовище, значит, она действительно видела чудовище. Может быть, другую, более крупную и очень злобную обезьяну, которую восприняла как чудовище.

Комиссар просто не знал, что и думать. Он смертельно устал и до крайности запутался, хотя все вроде было предельно ясно. Еще бы не ясно: обезьяна, клетка, труп с прокушенной щекой и даже тяжелый предмет, которым нанесено смертельное ранение, налицо – всё как в стандартном детективе. Но как-то уж слишком хорошо все сходится. И возможно, здесь побывало «чудовище». А в таком случае говорящая обезьяна из категории подозреваемых переходит в категорию свидетелей преступления.

Ему бы выпить еще кофе, ему бы хоть что-то проглотить... Пока Шарко размышлял, шимпанзе снова удалилась в тот же угол и повернулась к нему спиной. Комиссар снова прицелился.

– Я бы очень хотел поверить тебе, Шери, но сейчас у меня нет выбора.

Он выстрелил. Стрела с красным кончиком впиалась в спину обезьяны, та попыталась ее вырвать, но не успела – рухнула всего в нескольких сантиметрах от трупа Евы Лутц. У Жаспар выступили на глазах слезы.

– Прости, моя родная... у нас действительно не было выбора.

Шарко передал приматологу пистолет и спросил:

– Как вы думаете, мог быть у «злого чудовища» мотив? С чего бы ему нападать на Еву?

– Не знаю. Правда, позавчера я открыла кое-что, касающееся Евы, что, может быть, и связано с...

– Что же?

Жаспар в последний раз взглянула на труп, потом на безжизненное тело Шери, тяжело вздохнула и, наконец, заговорила:

– Пойдите выпейте кофе, комиссар, вы же беспрерывно зеваете! Потом я вам все объясню, а пока... пока извещу родителей Евы о том, что случилось.

Шарко придержал ее за запястье:

– Нет, погодите. Еву убили, это произошло внезапно, и родителям о смерти ребенка не сообщают вот так, по телефону. Мы сами это сделаем: к несчастью, это – составная часть нашей работы.

3

Для большинства учеников начальной школы начало занятий – время самое что ни на есть радостное. Позади два месяца разлуки, каждый снова окружен друзьями, каждый рассказывает, как провел каникулы, хвастается новым ранцем с Человеком-пауком или сумкой с Дорой Маркес в розовой футболке и фиолетовых шортах. Запах новенькой кожи, нетронутых пока карандашей и ластиков... Ребятишки меряются ростом, здороваются, подтрунивают друг над другом, задирают друг друга. Красочный, сияющий мир детства.

Когда Люси в то утро понедельника подошла к школьной ограде, дети уже собрались во дворе, в крытой галерее. Писк, визг, крики, а то и плач. Пройдет несколько минут, прозвенит звонок – мальчики и девочки разойдутся по классам. Впереди целый год учебы. Некоторых, главным образом малышей, только что выпустившихся из детского сада, привели родители. Для всех начинался важный этап жизни.

Частная школа Святой Елены – не та, куда Люси водила девочек до трагедии. Детский психиатр сказал ей, что не существует готовых рецептов того, как ребенку жить после смерти сестры, тем более когда речь о близнецах. Исходя из этого, Люси решила для начала сменить школу: новая обстановка, новые товарищи, новые учителя, новые привычки – может быть, так Жюльетте будет легче. Да и самой Люси тоже пойдет на пользу, если она перережет пуповину, связывавшую с прошлым. Она не хотела, чтобы ее потихоньку рассматривали, как всегда бывает в подобных случаях, не хотела, чтобы с ней заговаривали только с традиционной для подобных случаев преамбулой: «Глубоко вам соболезную...» Здесь никто ее не знает, никто не станет разглядывать. Здесь она – просто мама, очередная из целой толпы.

Прижавшись к решетке ограды, Люси сквозь прутья вглядывалась в детишек под крышей галереи, пыталась найти в разноцветной гурьбе Жюльетту. Да вот же она – наконец-то! Малышка улыбалась, было заметно, что она сгорает от нетерпения, ей очень хотелось скорее начать учиться. Несколько секунд Жюльетта постояла посреди безразличной к ней оравы школьников, потом двинулась туда, где уже начинали строиться, таща за собой новенький ранец на колесиках. Дети – они ведь давно знали друг друга – не обращали на новенькую внимания, смеялись, разговаривали. Учительница повернулась к ограде, где толпились родители, взглядом давая им понять, что всё в порядке, и вернулась к своим обязанностям. Земля вертится по-прежнему, жизнь продолжается.

Когда закончилась перекличка, дети были уже в коридоре, а большая часть родителей ушла, Люси поспешила во двор и нагнала учительницу:

– Простите, мадам! Есть одна очень важная вещь, о которой я забыла спросить раньше. Это касается переменок. Скажите, учителя всегда выходят во двор вместе с учениками, они следят за детьми? И еще: эта калитка, вы всякий раз ее запираете, когда кто-то заходит или выходит?

– Калитку запирают, как только школьный двор покинут последние из родителей. Не тревожьтесь о вашем ребенке: если есть место, где дети в полной безопасности, то оно именно здесь. А вы – мадам...

– Энебель. Мама Жюльетты.

Учительница, казалось, задумалась.

– Жюльетта Энебель... Нет, не помню, простите, у меня еще не уложились в голове имена и лица. Ничего, скоро все будет в порядке. А теперь, если позволите...

Женщина взбежала по лестнице и исчезла за дверью.

Люси вышла со двора успокоенная: учительница права, тревожиться не о чем. Эта школа – одна из тех лилльских школ, которые славятся заботой о детях и об их безопасности.

Одинокая, втянув голову в плечи, сунув руки в карманы, она медленно поднималась пешком по бульвару Вобан, одному из студенческих кварталов города, где расположены Коммерческая школа, Католический институт искусства и ремесел, Высший институт электроники и цифровых технологий... Тротуары заполнены молодежью, служащими в строгих костюмах, курьерами всех мастей. После двух месяцев летней истомы город оживает. Давно пора, подумала Люси.

Взглянула на часы – восемь тридцать пять. Надо как-то убить время: до начала работы в бюро претензий поблизости от Евралилля⁷, который всего в двух километрах отсюда, больше часа. С девяти сорока пяти до восемнадцати тридцати плюс сорок пять минут обеденного перерыва. Дебильный контракт на полгода – «в соответствии с трудовым законодательством», – вынуждающий тебя целый день нарываться на оскорбления, зато не оставляющий времени и сил жевать привычную жвачку. В ее обстоятельствах идеальная работа.

Она поколебалась. Можно посидеть до начала работы в кафе и истратить за час несколько евро, а можно пойти домой и выгулять щенка-лабрадора. Люси решила, что второй вариант предпочтительнее: никаких лишних расходов. И потом, если она сумеет взять себя в руки, у нее найдется время на то, чтобы хоть немножко заниматься спортом, как раньше: почему бы, например, не бегать вместе с собакой каждое утро полчаса вокруг Цитадели? Надышаться, напитать кислородом мозги и мышцы – это явно пойдет ей на пользу. Телу пора оживать.

Люси свернула к дому – одному из тех, в которых вперемежку селились постоянные съемщики и студенты. Здание, характерное для этого квартала: темный кирпич, выверенная, надежная, без всяких завитушек архитектура. Довольно долго Люси хотелось все бросить – поменять город, лица, обстановку, начать с нуля. А потом она подумала: зачем? К чему она в конце концов придет? Да и на какие деньги все это делать? Кроме того, уехать из Лилля означало уехать от матери, а на это Люси в свои тридцать восемь еще не чувствовала себя способной.

– Люси?

Она остановилась, услышав оклик. Узнала этот голос: низкий, гудящий. Она обернулась и замерла: да, это ее бывший начальник из Управления судебной полиции Лилля.

– Майор Кашмарек? Вы?

За год он ничуть не переменился. Та же предписанная уставом стрижка ежиком, то же квадратное лицо, та же бульдожья челюсть. И черные джинсы все такие же, и вечные его ботинки «Доктор Мартенс» на шнуровке и с задранными носками, но голубая в полоску сорочка делает майора почти элегантным. На сколько же он старше Люси – лет на десять?

Кашмарек подошел, она протянула руку, он склонился было, чтобы поцеловать, оба сразу почувствовали себя глупо, так что дело ограничилось рукопожатием и неловкими улыбками.

Бывший начальник молча смотрел на Люси. Не сказать что выглядит она хорошо, но он ожидал худшего. Светлые волосы отросли до лопаток, щеки немного запали, но черты лица от этого стали тоньше, а голубые глаза, которые она теперь не подводила, казались огромными. Настоящая женщина, красивая, но в толпе, спешащей на работу, такую, пожалуй, не заметишь, а уж о личной ее трагедии и вовсе не догадаешься. В общем, почти та же Люси, какую он знал прежде.

– Пригласишь меня на чашечку кофе?

– Ну... мне скоро в присутствие, и...

– Я ненадолго. Мне надо сказать тебе кое-что важное, но лучше не здесь.

Сердце Люси сжалось: внезапное появление бывшего шефа, майора полиции, явно не сулило ничего хорошего.

– Это связано с Царно?

– Давай поднимемся к тебе. Пожалуйста.

⁷ Евралилль – суперсовременный бизнес-центр рядом с железнодорожным вокзалом для высокоскоростных поездов.

От одного имени убийцы ее дочери Люси ощутила приступ тошноты. Ее может вырвать прямо тут, так что действительно лучше подняться, мелькнула мысль. Люси собралась с духом, стараясь выглядеть сильной, и повела Кашмарека наверх, мысли ее крутились с бешеной скоростью. Что он собирается сказать? Грегори Царно дали тридцать лет, из них двадцать пять – строгого режима. Эта сволочь сидит в тюрьме городка Вивонн, в шестистах с лишним километрах отсюда. Может быть, его перевели? Может быть, он женился там, прямо в камере? Может быть, он написал книгу о своей подлой жизни?

Кашмарек молча вошел в квартиру. За все годы, что они работали вместе, он ни разу не переступал порога своей подчиненной: оба уважали субординацию. К нему, виляя хвостом, бросился палевый лабрадор. Полицейский с удовольствием погладил пса – он любил собак.

– Как мальчика зовут?

– Кларк.

– Привет, Кларк! А сколько ему?

– Скоро год.

Дверь из прихожей вела в комнату, заваленную детскими вещами. Игрушки, раскраски, одежда, видеоигры, книжки с заданиями на лето.

– У меня жуткий бардак, простите, – сказала Люси.

Майор посмотрел на нее с печальной улыбкой:

– Да брось ты, не извиняйся.

В гостиной, на низком шкафчике с посудой, десятки фотографий близняшек. На первый взгляд Клару от Жюльетты не отличишь, но Люси когда-то объяснила ему, что у одной из девочек, Кашмарек забыл у которой, на радужке черное пятнышко. Он стиснул зубы. Сколько же он видел у себя в кабинете несчастных родителей с навеки запечатлевшейся на лицах болью! Зачем Люси эта выставка? Она же таким образом обрекает себя на вечную муку, вечное истязание. Или для нее это способ преодолеть трагедию, способ противостоять горю? А что на самом деле чувствуют родители, потерявшие детей? Невозможность понять и принять случившееся? Вечный гнев? Вечное: «Почему это досталось именно мне?» Если они католики, то отвергают ли в таких случаях Бога или, наоборот, обращаются к Нему за помощью? Как много вопросов, и как странно, что до сегодняшнего дня он никогда не задавался ими.

Они прошли на кухню, и Люси включила кофеварку.

– Прежде чем вы спросите меня, как мне живется, скажу: не проходит ни секунды, чтобы я не думала о случившемся. Когда это произошло, майор, я оказалась по ту сторону границы. Я оказалась с теми, кто всегда был рядом с нами, но не особенно занимал наше внимание: с потерпевшими... нет, с жертвами. С жертвами, которые еще дышат и даже иногда смеются. Жизнь на оставшемся им отрезке пути продолжается, и, значит, я – в порядке. Насколько можно, в порядке.

Она взглянула на двух кукол в углу, одинаково одетых, одинаково причесанных.

– Ну и потом... у меня же осталась Жюльетта... И мне нужно теперь сделать для нее всё.

Кашмарек перевел тяжелый взгляд с кукол на хозяйку дома. Она заметила это и сочла нужным объяснить:

– Вас, кажется, удивили эти куклы? Две куклы, а дочь только одна...

Люси подошла к куклам, взяла одну в руки, поправила серую жилетку.

– Для Жюльетты Клара жива. Психиатр сказал, что нужно время, чтобы девочка *физически* отделила себя от сестры. Может быть, на это уйдут многие годы, но в конце концов это случится. А пока у малышки в голове нечто вроде защиты: механизм, который призывает Клару, когда Жюльетта в ней нуждается. Тот самый механизм, что иногда делает нас терпимыми к душевной боли, что помогает нам перенести куда больше, чем мы можем себе представить. В любом случае таинственная связь между однояйцевыми близнецами не исчезает никогда. Клара так и останется жить в голове у Жюльетты. И в моей тоже. Даже через пятьдесят лет.

Клара будет жить всегда... И я хочу этого сейчас больше всего на свете. Чтобы она продолжала жить. В голове моей дочки и в моей.

Полицейский взял стул и уселся, поставив локти на стол и опершись подбородком на сжатые кулаки. Он молча взглянул на Люси, потом снова огляделся: ни единой бутылки спиртного, ни единой упаковки таблеток или порошков. И ни малейшего признака распушенности, неопрятности – всё по местам, посуда вымыта, приятно пахнет лимоном.

– А ты сама? Ты обращалась за помощью? Я имею в виду, к психиатру или психологу?

– И да и нет. Походила к одному, в самом начале, но... мне показалось, что это ничего не дает. Я даже не помню, что было на этих сеансах. Думаю, что моему сознанию самому удалось справиться: я поставила барьер.

Люси замолчала. Кашмарек решил, что лучше сменить тему.

– Нам, в бригаде, очень тебя не хватает. Нам ведь это тоже далось непросто, ты же знаешь?

– Это всем далось непросто.

– А как у тебя с деньгами?

– Нормально... Если не выпендриваться, работа найдется всегда.

Люси нажала на кнопку, чашки быстро наполнились. Время шло, стрелка часов звучно отмеряла секунды. Восемь пятьдесят. Через час начнутся звонки, начнется ругань в трубке, аж в ушах загудит. Поставив перед майором чашку с кофе, Люси села напротив и спросила без обиняков:

– Так что там с Царно?

– Его обнаружили в тюремном карцере мертвым. Погиб от потери крови.

4

Приехали заместитель прокурора, отдавшего приказ забрать тело Евы Лутц, и четверо криминалистов. Заместитель в костюме и при галстуке, криминалисты – в белых стерильных комбинезонах, придававших им сходство с карнавальными зайчиками, но позволявших не оставлять лишних следов на месте преступления. Практически следом за ними появились оперативники, ветеринар центра и работники морга, так что вскоре здесь собралось и засуетилось человек десять, все с единственной целью – установить истину.

Пока Леваллуа допрашивал Эрве Бека, в обязанности которого входил уход за подопытными животными, Шарко с Клементиной Жаспар прогуливались по аллеям между вольерами, где содержались колонии различных обезьян. Ветки деревьев трепетали на ветру, шелестели листья, то тут, то там раздавались пронзительные крики, другие непривычные для полицейского уха звуки. Равнодушные к разыгравшейся в центре трагедии приматы жили своей обычной для начала дня жизнью: искали друг у друга блох, собирали со стволов термитов, играли со своими четверорукими детенышами.

Клементина остановилась перед небольшой башенкой, откуда можно было наблюдать за животными сверху, оперлась локтями на горизонтальный брус. В руках у директора Центра приматологии была папка для бумаг с резинками, и Шарко снова обратил внимание на то, какие толстые и корявые у Клементины пальцы.

– Евина диссертация была посвящена основным принципам биологической эволюции, а в связи с этим – латерализации у крупных обезьян различных функций, например, формированию праворукости или леворукости. Это помогло бы понять, почему люди куда чаще рождаются правшами, чем левшами.

– За этим она и приехала в ваш центр?

– Да, и должна была остаться здесь до конца октября. Ева приступила к работе еще в две тысячи седьмом году, но собственно латерализацией занялась только в конце лета две тысячи девятого. Ее заинтересовали тогда пять видов крупных приматов: люди, бонобо, шимпанзе, гориллы и орангутаны. Здесь у нас ей для начала надо было составить статистические таблицы. Она наблюдала за разными видами обезьян, отмечала и регистрировала, какой рукой приматы хватают палку, чтобы собирать муравьев, как изготавливают для себя орудия и как раскалывают орехи. Потом из всего этого предстояло сделать выводы.

Шарко тем временем допивал четвертую чашку кофе без кофеина.

– Ева работала одна?

– Совершенно одна. Существовала здесь, как свободный электрон. Милая, скромная девушка, очень любившая животных.

«Жаспар, наверное, тоже любит животных, – подумал Шарко. Смотрит на своих приматов с такой какой-то особенной нежностью в глазах, будто каждый из них – ее обожаемое дитя».

Клементина протянула полицейскому папку:

– А теперь читайте внимательно. Это результаты наблюдений Евы за животными со времени прихода в центр, то есть за двадцать дней. Папка лежала на письменном столе – вероятно, Ева вчера собиралась взять ее, уходя...

Шарко снял резинки.

– А что, собственно, мне скажут эти результаты?

– По каждой из обезьян каждой из колоний Ева должна была записывать целый набор параметров: повторения у одной и той же особи некоторых жестов, отмеченных в левой колонке ее протоколов, свидетельствовали бы о наличии или отсутствии у животного латерализации.

Комиссар открыл папку, проглядел несколько листков. Сплошь таблицы. Сверху напечатаны сведения, имеющие, видимо, отношение к обезьянам, сгруппированным по видам. От руки не вписано ровно ничего – все клетки таблиц пусты.

– Получается, Ева Лутц не работала?

– Получается так. Или работала не над той темой, которая обозначена ее научным руководителем. Но при этом мне говорила обратное: рассказывала, что за три недели довольно далеко продвинулась и точно успеет уложиться в срок.

– А зачем ей было приезжать сюда, если она не собиралась ничего делать?

– Затем, что ей надо было выполнить требования научного руководителя, затем, что у нее были бы неприятности, узнай он, что его подопечная не выполняет его требований. Оливье Солерс не церемонится со своими учениками и не выносит нарушений дисциплины. Если бы Солерс разозлился на Еву, плакала бы ее степень.

– А она была честолюбива?

– Весьма! Я это поняла сразу, почти ничего еще о ней не зная. Несмотря на молодость, Ева успела уже очень серьезно изучить латерализацию у некоторых видов птиц и рыб, более того – успела опубликовать материалы об этом, причем точность и глубина ее исследований были отмечены в статьях авторитетных научных журналов. Согласитесь, такое крайне редко случается, когда автор материалов – двадцатипятилетняя девушка. Ева Лутц была блистательным ученым, она уже мечтала о Нобелевской премии и банкете по этому поводу...

Шарко не смог сдержать улыбки. Услышав, до чего необычными предметами интересуются ученые, он – со своими самыми что ни на есть заурядными, обыденными делами – сразу показался себе безнадежно отсталым.

– Простите, но... как-то я не очень уловил. Зачем нам знать, правша какая-то рыба или левша? Какая и кому от этого польза? Да и трудно представить, в чем может выражаться праворукость у рыбы! У обезьяны – понятно, но у рыбы?

– Да-да, понимаю, что вас смутило. У вас же все донельзя конкретно: охотитесь за убийцами, сажаете их за решетку.

– К несчастью, так и есть.

– А мы, мы хотим узнать, откуда мы взяли такие, для того, чтобы понять, куда придем. Мы следуем за нитью жизни, и наблюдение за тем, какие виды, породы, сорта она создает – будь то растения, вирусы, бактерии или животные, – помогает нам разобраться в нас самих. Латерализация у некоторых рыб, живущих в сообществах, стаях, более чем значима. Случалось ли вам видеть, как ведет себя косяк рыбы, когда к нему приближается хищник? Все рыбы сворачивают в одном и том же направлении, чтобы так и остаться всем вместе, чтобы на них было труднее напасть. Они не раздумывают, они не говорят себе: «Тревога! Сейчас мне надо повернуть налево, как все мои товарищи!» – нет, это социальное поведение составляет часть их природы, оно заложено в их гены, если вам нужен более или менее точный образ. Благодаря латерализации в случае с рыбами выживает наиболее способный, наиболее пригодный к рыбьей жизни, только он и выживает – вернее, его выбирают для жизни.

– «Выбирают»? Кто выбирает? Высший разум?

– Конечно же нет. Тезисам сторонников креационизма типа: «Господь создал человека, равно как и все живые существа, населяющие Землю» – нет места ни в нашем центре, ни в любом другом научном сообществе. Конечно же не высший разум. Его выбирает Эволюция – с большой буквы. Эволюция создает условия для всего, что благоприятствует распространению генов, причем не просто генов, а генов лучших особей, остальные же уничтожает.

– Пресловутый естественный отбор, при котором хромая утка не выживает?

– Можно сказать и так. Но вернемся к рыбам. Когда весь косяк сворачивает влево, некоторые особи сворачивают в другую сторону, потому что не умеют, лишены способности вести себя так же, как остальные. Генетический дефект? «Хромые утки», так вы сказали? Как бы там

ни было, эти «некоторые» умирают первыми, позволяя себя, например, съесть, потому что они не приспособлены к жизни, потому что они слабее других. Вот вам одно из проявлений естественного отбора. Если бы у человека-левши были хоть какие-то жизненные преимущества, скорее всего, мы все превратились бы в левшей и вели бы себя в каком-то смысле подобно косяку рыбы. Проблема в том, что нам это не нужно, никаких преимуществ леворукость человеку не дает, но тем не менее левши существуют. Почему? Зачем эволюция благоприятствовала асимметрии между правшами и левшами? Почему, зачем именно такая пропорция: в мире, где все продумано и приспособлено для правшей, каждый десятый все-таки рождается левшой? В своей диссертации Ева Лутц пыталась найти ответ на все эти вопросы.

Шарко подумал, что ему-то никогда в жизни не доводилось задаваться подобными вопросами, просто потому, что вся эта научная ерунда несколько его не интересует. На его взгляд, существует слишком много куда более важных и серьезных тем для исследования, но ведь вкусы у всех разные. Тем не менее пора было возвращаться к конкретным вопросам, к тому, зачем он сюда пришел.

– Вы говорили, что Ева Лутц приходила на работу позже других. Каждый день?

– Да, она приходила к пяти часам вечера, когда двери центра уже, как правило, запираются. Говорила, что хочет работать в тишине, хочет иметь возможность наблюдать за обезьянами, не влияя на их привычки.

– Но судя по тому, что все графы ее таблиц пусты, приходила она сюда по вечерам просто для того, чтобы отметить, обозначить свое присутствие... С какой целью? Чтобы никто, а главное, научный руководитель, не уличил ее в обмане?

– А может быть, она целые дни занималась чем-то другим? Знаете, я сама ужасно удивилась, когда обнаружила эти пустые страницы. Ну почему, почему такая серьезная девушка вдруг начала врать? Чем таким она могла увлечься настолько, чтобы поставить под удар свое будущее?

– У вас есть какие-нибудь идеи на этот счет?

– Нет, пожалуй. Но ведь если Ева изучала латерализацию в человеческих популяциях прошлого и настоящего и если она занималась этой темой больше года, ей, видимо, приходилось черпать информацию из многих и совершенно разных областей... А дня два-три назад – да, не больше – она сказала мне по секрету, что столкнулась с чем-то совершенно невероятным.

– В каком же роде?

– К сожалению, не знаю. Но я по глазам Евы видела, что девочка говорит правду. В самом начале своих исследований она регулярно отсылала отчеты о них научному руководителю, чтобы тот мог следить за ходом ее работы и, когда нужно, корректировать. Потом, как рассказывал мне Оливье, эти отчеты стали поступать все реже и реже. Начиная с июня. Такое уже случалось, и профессор не стал сразу же бить тревогу. Знаете, это дело обычное: научный руководитель хочет держать в руках вожжи, а диссертант стремится на волю, рвется работать самостоятельно. Однако в середине июля, то есть за месяц до приезда сюда, Ева вдруг отказалась присылать в лабораторию какую бы то ни было информацию, стала утаивать суть своей работы, отделяясь обещаниями, что сделает доклад, который – она гарантирует – прозвучит «настоящей сенсацией», если, конечно, ее исследования окажутся плодотворными.

Шарко нервно вертел в руках пустой стаканчик, не видя, куда бы его выбросить, а мысленно пытался посмотреть на дело под другим углом. Лутц в ходе своих изысканий встречается с новыми людьми, круг ее знакомств расширяется. Тем или иным образом, притворившись, например, журналисткой, она наталкивается на нечто «жареное» и после этого замыкается в себе.

Хлопнула дверь, и комиссар вернулся к реальности. Увидел вдалеке, у дверей питомника, санитаров с носилками. Труп Евы Лутц в черном пластиковом мешке напоминал обгоревшее

дерево. *Ибо прах ты и в прах возвратишься*⁸... Потом санитары вернулись в здание с пустыми носилками, и Клементина прижала к губам сжатые кулаки:

– Они пошли за Шери. Почему они хотят увезти ее в морг?

– Судмедэксперт должен взять у вашей обезьяны материал для анализа, больше ничего, не волнуйтесь. – Впрочем, Шарко и не дал собеседнице времени на волнения: – У Евы был возлюбленный?

– Как-то, оставшись наедине, мы немного поговорили о ее личной жизни. Нет, для Евы это не было главным: прежде всего – карьера. Девочка была очень одинока и совершенно помешана на экологии. Призналась мне, что у нее нет дома телевизора, что она не пользуется мобильным телефоном. А еще она сильно увлекалась спортом, даже участвовала, когда была совсем юной, в нескольких чемпионатах по фехтованию. В здоровом теле – здоровый дух.

– Но с кем-то же Лутц дружила? С кем-то делилась, доверяла кому-то?

– Вот чего не знаю – того не знаю, мы были не так близко знакомы, чтобы... Но ведь это я не знаю, а вы полицейский, ну и попробуйте порыться в ее вещах. Наверняка вы там сможете найти и записи с результатами ее исследований. – Не услышав ответа и понимая, что Шарко настроен скептически, Жаспар сменила тему: – Посмотрите последний раз внимательно, комиссар, и скажите мне, что вы видите, – попросила она, показывая на обезьян.

– Что я вижу? Вижу обезьяньи семьи. Вижу животных, которые живут вполне мирно, в гармонии с собой.

– Вы должны были увидеть крупных обезьян, увидеть существа, очень похожие на нас.

– Простите, но я вижу только приматов!

– Так мы же и сами приматы! Шимпанзе генетически куда ближе к нам, чем, например, к горилле. Часто говорят, что у нас более девяноста восьми процентов ДНК общей с шимпанзе, но я вам скажу по-другому: более девяноста восьми процентов нашей ДНК – это ДНК шимпанзе.

Шарко несколько секунд обдумывал услышанное.

– Звучит вызывающе, но с такой точки зрения – действительно...

– Никакого вызова, самая что ни на есть реальная реальность! А теперь, пожалуйста, представьте себе, что у вас отняли речь и посадили голым в клетку. Вот сюда – рядом с ними. И что тогда? А тогда вас станут принимать за того, кто вы и есть: за третьего шимпанзе, пусть и отличающегося от обыкновенного африканского или карликового – за шимпанзе без шерсти и прямоходящего. Вот разве что никто из наших родичей окружающую среду сознательно не разрушает. За все данные нам эволюцией преимущества, такие как речь, разум, способность заселить всю планету, тоже ведь заплачено дарвиновской монетой: мы – животные, способные распространять вокруг себя огромное зло. Однако эволюция «сочла», что за такие преимущества цена невелика. На данный момент...

В голосе директора центра звучала сила и одновременно покорность судьбе. Шарко почувствовал, что взгляд Клементины пронизывает его насквозь, ему стало не по себе от ее резкости. Вероятно, эта женщина пережила в джунглях и саванне что-то совершенно небывалое, вероятно, она знает больше тайн жизни, чем кто-либо другой, и сильнее, чем кто-либо другой, убеждена, что наша деятельность заводит в тупик.

Жаспар отпустила деревянные перильца башенки.

– У вас есть дети, комиссар?

Шарко, закусив губу, покачал головой:

– Была маленькая дочка... Ее звали Элоизой. Они замолчали и молчали долго. Оба знали, что такое говорить о ребенке в прошедшем времени. Шарко еще раз взглянул на обезьян, глубоко вздохнул и пробормотал:

⁸ Быт 3: 19.

– Я сделаю все, от меня зависящее, чтобы добиться правды. Обещаю вам, Клементина.

5

Люси так потрясли слова бывшего начальника, что она выронила на кухонный стол кусок сахара. Прикрыла лицо руками и тяжело вздохнула.

– Царно мертв... Нет, это невозможно! А что случилось?

– Ему удалось пальцами вырвать артерию из собственной шеи.

– То есть самоубийство? Но почему? Известна причина?

Кашмарек не притронулся к кофе. Рассказывать такое – удовольствие ниже среднего, но ведь Люси рано или поздно все узнает, так уж лучше от него, чем от кого-то по телефону.

– Он стал буйным.

– Да, знаю.

– В последнее время – особенно. Он оскорблял всех, кто к нему приближался, и нападал на всех. Он укусил и почти до смерти забил одного из заключенных на прогулке. Его постоянно переводили в карцер. Его ненавидели все охранники, иметь с ним дело было для них пыткой. Кроме последнего раза, когда они нашли его плавающим в собственной крови. Для того... для того, чтобы такое совершить, нужен был очень серьезный мотив.

Люси встала, обхватила себя руками, будто замерзла, подошла к окну, выглянула наружу. Бульвар, обычные, беззаботные люди.

– Когда? Когда это произошло?

– Два дня назад.

Последовала долгая пауза. Новость была настолько страшной, что Люси показалось: ее окутало серым туманом.

– Даже не знаю, что должна чувствовать: облегчение или наоборот. Я ведь так хотела, чтобы он страдал. Чтобы он страдал каждый день и каждый час. Чтобы он на себе ощутил, какое причинил зло.

– У подобных людей, Люси, все не так, как у тебя или у меня, ты же это знаешь лучше всех.

О да, она это знала! Она столько их видела в прошлом. Психи, серийные убийцы, маньяки – эти гнусные отбросы, ничего общего не имеющие с нормальными людьми. Она вспомнила старые добрые времена, когда была простым бригадиром в Дюнкерке и смотрела из окна кабинета, как волны разбиваются о корпуса прогулочных катеров. Новорожденные близняшки агукали, лежа в колыбельке. Дни она проводила за бумагами, в которых слово «психопат» если и встречалось, то было для нее чистой абстракцией, а в свободное время услаждала себя чтением специальной литературы о подонках типа Царно. Если бы она тогда знала... Если бы она знала, что самое ужасное зло может постучаться к кому угодно и когда угодно. В любую минуту.

Она вернулась к столу и пригубила кофе, едва его не расплескав, настолько дрожали руки. В конце концов, от этого разговора с бывшим шефом, может быть, станет легче: не будет так давить в груди.

– Целыми ночами я пыталась представить себе, что эта сволочь делает там, в тюрьме, как проводит время. Я видела, как он ходит, разговаривает с другими, даже смеется. Я представляла себе, что он ведь может рассказать кому-то, как отнял у меня Клару и как чуть не отнял Жюльетту. Каждый день я говорила себе: нет, ну что за чудо, что после тринадцати дней, проведенных в запертой комнате, Жюльетту нашли живой... – Полицейский прочел в глазах Люси такую боль, что не решился прервать ее, и она продолжала говорить, выплескивая слова, долго-долго копившиеся в душе: – Стоило мне закрыть глаза, я сразу же видела маленькие черные глазки Царно, эти его мерзкие, приклеившиеся ко лбу волосы, всего его – здоровенного, как дуб... Вам даже не представить, как долго его физиономия не выходила у меня из головы. Все дни, все ночи я чуть ли не ощущала, что он дышит мне в затылок. Вам даже не представить, в

каком аду я жила с минуты, когда было идентифицировано тело одной моей дочери, до минуты, когда увидела другую живой. Семь дней ада, семь дней, когда я не знала даже, которая из девочек погибла: Клара или Жюльетта. Семь дней, когда я воображала такое... и меня все время накачивали лекарствами, чтобы я могла держаться... чтобы я не свихнулась окончательно...

– Люси...

– И она оказалась жива. Господи, господи, моя малышка Жюльетта оказалась живой, – я сама это увидела, когда приехала с оперативниками к Царно. Это было так... так неожиданно, так необыкновенно! Я была совершенно счастлива, хотя другую мою дочь нашли сгоревшей за неделю до того. Я была счастлива, несмотря на то, что горе едва меня не убило...

Люси опустила руку на стол, царапнув ногтями скатерть.

– Шестнадцать ножевых ранений, майор! Он убил Клару в своей машине, в сотне метров от пляжа шестнадцатью ударами ножа, потом спокойно проехал больше ста километров, чтобы бросить ее в лесу. Он облил мою девочку бензином, поджег и до-о-олго смотрел, как она горит, а Жюльетта в это время кричала и плакала у него в багажнике. Потом он вернулся домой, запер мою уцелевшую девочку и не трогал ее, кормил, поил. Будто ничего не произошло. Когда Царно арестовали – там, у него дома, – руль его машины был весь в крови, он даже не вытер руль. Почему? Почему так?

Люси принялась размешивать кофе ложечкой, хотя сахар так и лежал на столе.

– Теперь, когда он мертв, я не узнаю главного, я не получу ответов на мои вопросы. Я не получу этих чертовых ответов.

Кашмарек колебался: стоит ли продолжать разговор. На самом деле он предпочел бы вообще не приходить сюда, не растревать ее раны, но сейчас выбора не было, поскольку она пристально на него смотрела, ожидая реакции. Он ответил:

– Ты никогда бы их и не получила. Подобное поведение необъяснимо, в нем нет ничего человеческого. Единственное, что известно точно: Царно в течение всего этого года был не в себе, и его состояние ухудшалось. Он неожиданно и без всякого повода впадал в ярость, тюремный психиатр утверждает, что спустя секунду после того, как Царно был кроток как ягненок, он вдруг вцеплялся кому-то в горло и начинал душить. – Майор вздохнул, казалось, он взвешивает каждое свое слово. – Наверное, мне не стоило бы этого говорить, но я понимаю, что рано или поздно ты все равно узнаешь: доктор добивался проведения судебно-психиатрической экспертизы, потому что поведение его пациента позволяло предполагать серьезные нарушения психики.

Он видел, что Люси может не выдержать напряжения. Он поймал ее руку, прижал к столу, накрыл своей ладонью.

– Между нами, Люси, это же хорошо, что Царно мертв. Это хорошо, Люси.

Люси покачала головой. Резко отняла у майора руку.

– Нарушения психики? Что еще за нарушения психики? Какого рода?

Кашмарек порылся во внутреннем кармане легкой куртки, вытащил пачку фотографий, положил их на стол:

– Вот такого.

Люси взяла снимки, посмотрела. Прищурилась.

– Это что еще такое?

– То, что он нарисовал на одной из стен своей камеры фломастерами, украденными в тюремной мастерской.

На фотографии был морской пейзаж: солнце, скрывающееся за горизонтом, скалы в сиянии закатных лучей, птицы в небе, парусники. Вот только этот пейзаж был нарисован в метре от пола вверх ногами.

Люси вертела в руках снимок. Майор прихлебнул кофе, горький вкус не уходил.

– Странно, да? Словно заключенный рисовал, будучи подвешен, наподобие летучей мыши, к потолку камеры. Но, кажется, он стал так рисовать незадолго до того, как его посадили.

– Да почему он рисовал все вверх ногами?

– Знаешь, мало того что он рисовал все вверх ногами, он говорил, что и видит все вверх ногами. И видел он так все чаще. По его словам, это могло длиться несколько минут, могло и дольше. Как будто он надевал очки, линзы которых переворачивали весь окружающий мир. И когда это случалось, он терял равновесие и падал мешком.

– Бред...

– Вот-вот. Тюремный психиатр предполагал, что у Царно галлюцинации. Может быть, даже...

– Шизофрения?

Полицейский кивнул.

– Ему было двадцать три года. Душевные болезни нередко проявляются или обостряются в заключении, особенно у людей этого возраста.

Люси выпустила пачку фотографий из рук, снимки упали на стол, рассыпались.

– Вы хотите сказать, что у Царно, возможно, были проблемы с психикой? – Она закусила губу, сжала кулаки, было видно, каких усилий ей стоит не заорать, не завывать. – А я не хочу, чтобы причину смерти моего ребенка объясняли, исходя из мерзких спекуляций психиатров. Царно отдавал себе отчет в своих действиях, и на нем лежит ответственность за совершенное.

Кашмарек поспешно согласился:

– Разумеется! Потому его и осудили, потому он и окончил свои дни в тюрьме.

Как Люси ни пыталась скрыть свои чувства, майор понимал, насколько она ошеломлена, потрясена.

– Все позади, Люси. Сумасшедший Царно или нормальный, теперь уже не имеет значения. Дело закончено: завтра его похоронят.

– Не имеет значения, говорите? Наоборот, майор, наоборот! Очень большое значение имеет, куда уж больше!

Люси снова встала и принялась ходить взад-вперед по кухне.

– Грегори Царно отнял жизнь у моей девочки. Если... если версия о его сумасшествии может рассматриваться всерьез, я должна это знать.

– Слишком поздно, Люси.

– Как фамилия тюремного психиатра?

Полицейский взглянул на часы, допил кофе и поднялся.

– Не хочу больше отнимать у тебя времени. Да мне и самому пора на работу.

– Его фамилия, майор!

Кашмарек вздохнул. Разве не следовало этого ожидать? Они несколько лет проработали вместе, и Люси никогда не надеялась на то, что все как-нибудь решится само собой. Если проанализировать ее поведение, скорее всего обнаружится, что в ней еще живут первобытные охотничьи инстинкты.

– Доктор Дюветт.

– Добейтесь для меня пропуска туда. На завтра.

Он сжал челюсти, но все-таки нехотя кивнул, соглашаясь.

– Попробую – в надежде, что это поможет тебе видеть яснее и навести хоть какой-то порядок в голове... Но ведь ты стараешься быть осторожной, обещаешь?

Люси тоже кивнула. Теперь на лице ее не было никаких эмоций. У Кашмарека, очень хорошо знавшего это выражение лица своей бывшей сотрудницы, все внутри задрожало.

– Обещаю, – сказала она.

– И не раздумывай, если тебе понадобится помощь бригады, помни, что нам всем только в радость тебе помочь.

Люси вежливо улыбнулась.

– Простите, майор, теперь все это не для меня. Но передайте всем от меня привет и скажите... скажите, что все у меня в порядке.

Кашмарек стал было собирать со стола фотографии, Люси остановила его:

– Если можно, я бы оставила снимки себе. Хочу их сжечь. Доказать себе таким образом, что все уже почти закончилось. И... спасибо, майор.

Он смотрел на Люси, как смотрят на близкого друга.

– Ромуальд. Думаю, что теперь ты можешь называть меня просто Ромуальдом.

Она проводила гостя к выходу, перед тем как переступить порог, он добавил:

– Если ты когда-нибудь захочешь вернуться к нам, помни: двери для тебя всегда открыты.

– До свидания, майор.

Она закрыла за ним дверь, вздохнула, не отпуская ручки. Сегодняшнее утро оказалось совсем иным, чем она планировала.

Вернувшись на кухню, она встала на стул и провела рукой по верху буфета, где были спрятаны коричневый конверт, зажигалка «Зиппо» и полуавтоматический пистолет калибра 6,35 миллиметра. Оружие музейное, но в отличном состоянии. Его Люси трогать не стала.

В конверте лежали две недавние фотографии Царно – фас и профиль. Скотина с приплюснутым носом, выпуклым лбом, глубоко сидящими в орбитах глазами. Рост – метр девяносто пять, устрашающая морда, атлетическое сложение.

«Ему удалось пальцами вырвать артерию из собственной шеи». Слова бывшего начальника все еще звучали в ее голове. Она прекрасно себе представляла эту кошмарную сцену в карцере. Юный колосс валяется в луже собственной горячей черной крови, вцепившись руками в шею... Действительно ли виной всему его безумие? Но что за галлюцинации заставили Царно поступить с собой таким вот образом?

Люси смотрела на фотографии, не чувствуя ничего, кроме злобы и горечи. С тех пор как не стало Клары, ей ни разу не удалось взглянуть на Царно как на человеческое существо, пусть даже по необъяснимой причине он пощадил Жюльетту. Для нее Грегори Царно был всего лишь ошибкой природы, паразитом, единственное назначение которого – сеять зло. И сколько ни ищи этому объяснений, сколько ни сваливай на садизм, на извращенность натуры, на аффект, никакого вразумительного ответа не найдешь. Грегори Царно был исключением, он стоял в стороне от всего остального мира, Кларе и Жюльетте не повезло оказаться у него на пути, так некоторых людей прямо при выходе из аэропорта кусает комар – переносчик опасной болезни. Роковая случайность, совпадение. Но никакое не сумасшествие. Нет, душевная болезнь ни при чем...

Фотографии Царно были уже не раз изорваны в клочья и склеены снова. Люси положила их вместе со снимками его рисунков, сделанных в камере, на дно мойки.

– Да, это хорошо, что ты сдох, Царно. Гори теперь в аду вместе со всеми своими грехами. Ты целиком ответствен за все, что совершил, и ты за это заплатишь.

Она покрутила колесико зажигалки.

Первым пламя пожрало лицо убийцы.

Люси не ощутила ни удовлетворения, ни облегчения.

Пожалуй, она чувствовала себя как человек, которому ожог третьей степени смазали гелем.

6

Ни одно расследование уголовного дела, ведущееся на набережной Орфевр, не обходится без визита на другую набережную – Рапе. Нет, полицейские приходят сюда отнюдь не затем, чтобы полюбоваться Сеной, баржами и шлюпками. Открывающееся им здесь зрелище куда менее привлекательно.

Шарко стоял, скрестив руки на груди, между двумя прозекторскими столами парижского Института судебной медицины. Слепые стены, бесконечные коридоры, свет неоновых ламп, как нельзя больше соответствующий унылым краскам поздней осени. Да еще этот запах тления, который после долгого пребывания здесь пропитывает каждый волосок на твоём теле. Бледный Леваллуа за спиной у комиссара привалился спиной к стене. Перед тем как войти сюда, он по секрету сообщил Шарко, что ему не слишком-то нравятся эти аутопсии. Было бы странно и даже тревожно, если бы нравились!

Судмедэксперт Поль Шене расценил нынешнее свое занятие как, мягко говоря, своеобразное, ведь обезьяну в этих стенах видели впервые. Спящее животное, раскинувшись, лежало на левом столе для вскрытий. Длинные пальцы были чуть-чуть согнуты, будто сжимали яблоки. На столе справа под безжалостным светом лампы покоилось обнаженное тело Евы Лутц. Такие лампы используются и в операционных, потому что не дают ни малейшей тени.

Шарко молча тер подбородок. Сходство двух неподвижных тел, лежащих рядом в почти одинаковой позе, впечатляло. «Девяносто восемь процентов нашей ДНК – это ДНК шимпанзе», – сказала ему Жаспар.

К тому времени, когда пришли полицейские, Шене только что закончил внешний осмотр тела человека. Голова девушки была побрита наголо, так что стали хорошо видны и рана, и обширная гематома в области затылка. Бедняжка Ева Лутц, которую вот так вот выложили на всеобщее обозрение на прозекторском столе, потеряла и то небольшое человеческое, что у нее оставалось.

– Тут все что угодно, только не несчастный случай. Если позволите влезть в вашу епархию, «Чита» тут ни при чем.

Первая хорошая новость за день. Клементина Жаспар получит свою шимпанзе, свою «деточку» тридцати семи лет, целой и невредимой. Но с другой стороны, это означало, что и впрямь имеет место преступление и что впереди непростое дело.

– Удар по голове оказался роковым. Скорее всего, жертва сразу после него упала, и кровотечение из раны ускорило ее кончину. Смерть наступила между двадцатью часами и полуночью. Синюшность на лопатках и ягодицах говорит о том, что тело после смерти не перемещали. Что же до укуса, то трудно сказать, был он до или после того, как жертва перестала дышать.

За пятнадцать лет Шене разделал не одну тонну человеческого мяса. Аккуратная бородка, маленькие круглые очки, но выражение лица выдает человека жесткого и неуступчивого. В этом халате Поля запросто можно было принять за профессора медицинского факультета, да, кстати, он и поистине ошеломляющими познаниями обладал в самых разных областях медицины. Этот человек был неисчерпаемым кладезем научной информации, и у него находился ответ практически на любой вопрос. С Шарко они были знакомы достаточно хорошо.

Комиссар молча обошел вокруг стола, изучая распростертое на столе тело в разных ракурсах. Первый, неизменно тяжелый момент позади, и вот перед Шарко уже не обнаженное тело молодой женщины, но лишь территория, которую предстоит исследовать, территория, по которой расставлено множество сигнальных флажков-улик.

– Тебе показали пресс-папье?

– Да. Никаких сомнений – это орудие убийства.

– А почему ты исключаешь участие обезьяны? Все-таки есть укус, и только что стало известно, что шимпанзе хватала это пресс-папье. Так почему же она не могла нанести им удар?

– Если обезьяна его и хватала, то, скорее всего, уже после убийства девушки. И в любом случае размеры укуса не соответствуют тем, какие могли бы оставить челюсти данного примата. Следы укуса очень четкие. Диастема, щель между центральными резцами верхней челюсти, другая. И расстояние между челюстями другое. Добавлю еще, что на деснах этой обезьяны отсутствуют следы крови. Что же до крови на ее шерсти и конечностях, то как ей там не быть, если обезьяна дотрагивалась до жертвы после смерти. Убийца надеялся совершить идеальное преступление, но он не настолько хитер, чтобы нас обмануть.

Судмедэксперт повернулся к погруженной в наркотический сон обезьяне и произнес:

– Шерочка без машерочки, счастлив тебе объявить, что ты еще очень долго сможешь есть бананы!

Его шутка разрядила атмосферу, и снова посыпались конкретные вопросы:

– В таком случае кем или чем мог быть произведен такой укус?

– Кем-то, у кого челюсти помассивнее, чем у данного экземпляра. Форма челюстей и диастема точно обезьяньи, и, по мнению ветеринара, речь может идти о семействе больших обезьян, но он исключает при этом гориллу и орангутана. Он считает, что это мог быть другой шимпанзе, более крупный и сильный. Во всяком случае, животное, которое при определенных обстоятельствах становится агрессивным.

Шене кивнул в сторону стола у раковины, где стояли закупоренные стеклянные пробирки:

– Я сейчас отправлю в лабораторию образцы крови, взятые из раны. Попрошу исследовать их. И слюну тоже. Надеюсь, удастся получить ДНК обезьяны-агрессора, а следовательно, и узнать, к какому виду она принадлежит.

– Это разве возможно? Узнать вид животного по ДНК?

– Прочитав последовательность нуклеотидов генома в обоих направлениях, вполне возможно получить полный и подробный перечень генов, характерный для данного вида или данной породы.

Леваллуа подошел к химическому столу с выложенной плиткой столешницей, взял в руки крошечный флакончик, на вид – почти пустой.

– М-да... прогресс не останавливается! Что там внутри?

– Похоже, микроскопический обломок зубной эмали. Я нашел его, исследуя рану на лице жертвы. В этом обломке тоже содержится ДНК, и эту ДНК тоже можно проанализировать – в случае, если слюна растворится в крови. Теперь, я бы сказал, дело за биологами.

– А что ты еще обнаружил? – спросил Шарко.

Судмедэксперт улыбнулся:

– Чем больше тебе даешь, тем больше ты требуешь!

– Ты же меня знаешь...

– Я немало рассказал, разве нет? Ну а теперь мне пора заняться вскрытием.

Шарко протянул приятелю руку, тот машинально пожал ее и только потом удивился:

– Как? Ты уходишь?

Леваллуа сверкнул глазами, но Шарко не дал лейтенанту времени произнести хоть что-то и бросил уже на пути к двери:

– Что-то нет сегодня настроения любоваться потрохами. Коллега прекрасно обойдется без меня. Аутопсия – его любимое зрелище.

– Мы же собирались вместе пообедать? Когда ты меня должен был пригласить?

– Не волнуйся, Поль, еще приглашу. А пока выпьешь пива за мое здоровье.

Он распахнул двустворчатую дверь и вышел не оборачиваясь.

На улице он глубоко вдохнул. Хоть и привык, но все-таки вид трупов плохо на него действовал. Неудобоваримое зрелище!

Шарко позвонил Клементине Жаспар, сообщил ей, что она сможет получить свою обезьяну целой и невредимой, и попросил, как только это случится, сделать попытку вытащить из шимпанзе еще какие-нибудь сведения. Клементина пообещала позвонить, если попытка окажется удачной, и от всего сердца поблагодарила комиссара. И он был уверен: она сделает все, что только сможет, чтобы ему помочь, он чувствовал, что эта женщина отличается не только абсолютной искренностью, но и подлинной человечностью.

Он потихоньку добрался до железной скамьи на набережной, сел. Народу тут было немного: близость Института судебной медицины и множество полицейских машин отпугивали случайных прохожих. Порт Арсенала с его катерами и тяжелыми лодками поблизости, приятный легкий ветерок, ласковое сентябрьское солнце. А Ева Лутц больше ничего этого не увидит. Кто-то, кого шимпанзе назвала «чудовищем», лишил Еву основного права человека: права дышать. А потом бросил в клетку, будто она просто кусок мяса. Шарко думал о родителях девушки. Им скажут не всю правду, им скажут, что «совершено преступление», но не сообщат подробностей. И пообещают «приложить все силы, чтобы найти того, кто это сделал». Отец и мать, наверное, даже не услышат конца фразы, потому что с первых же слов мир для них внезапно померкнет.

Шарко потерял висок и, сняв солнечные очки, одна из дужек которых была кое-как склеена и обмотана скотчем, подставил лицо солнцу. Лучи ласково скользили по щекам. Комиссар закрыл глаза и легко представил себе, как убийца появляется в питомнике вместе с крупной агрессивной обезьяной. Первый наносит смертельный удар, вторая, движимая звериным инстинктом, прокусывает жертве щеку. Может быть, это и было «чудовище», о котором говорила Шери. Кто-то из ей подобных. Обезьяна.

Приглушенные голоса людей и шум моторов. Плеск воды... Дыхание ветра... Тени, танцующие под опущенными веками... Все это внезапно рассыпалось, словно горсть песка, брошенная к небу: на плечо Шарко легла тяжелая рука, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, где он находится. Комиссар, поморщившись, помассировал шею и поднял глаза. Перед ним стоял Леваллуа.

– Взял и вот так спокойненько бросил меня в прозекторской! Мы с тобой только начинаем работать вместе, а ты уже показываешь, на что способен.

Шарко посмотрел на часы, оказывается, прошло больше часа. Он удержал зевок.

– Прости, но сейчас мне это трудно.

– Судя по тому, что говорят, тебе уже целую вечность это трудно! И еще говорят, что вы с Маньяном до того друг другу обрыдли, что он тебя выгнал.

– Больше слушай, что говорят! Мало где услышишь столько гадостей, сколько на Орфевр, тридцать шесть. В любом коридоре сплетни, слухи – и большей частью необоснованные. Ну и как тебе вскрытие?

– Ты ничего не потерял. Оставаться там, чтобы увидеть такое, ей-богу... Шене орудует своими ножичками, как скрипач смычком. Просто ужас какой-то, омерзительно! Если я что-то и ненавижу в нашей работе, так именно это.

– Жертва была изнасилована?

– Нет.

– Значит, сексуальный мотив отбрасываем.

– Неужто?

Жак Леваллуа, явно нервничая, сунул в рот мятную жвачку и тоже снял темные очки. Красивый он, однако, парень, смахивает немножко на Брэда Питта в «Семи», подумал Шарко.

Между тем его молодой напарник продолжил:

– Черт возьми... Не хотелось бы рассказывать ничего такого жене.

– Ну и не рассказывай, делов-то!

– Легко сказать! Слушай, кое-чего никто у нас не понимает... Ты мог бы в Нантерре зарабатывать вдвое больше, имея вдвое меньше проблем. Тебе осталось меньше десяти лет до пенсии. Какого черта ты вернулся в уголовку за черствым хлебом? Почему сам ходатайствовал о том, чтобы из комиссара стать лейтенантом? В жизни такого не видел, это ни с чем не соотносимо. У тебя что – денег куры не клюют? Плевать на бабки?

Второй раз после того, как вышел на улицу, Шарко сделал глубокий вдох. Он сидел, свесив руки между коленями, словно одинокий старик, присевший на скамью покормить голубей. Его коллеги почти ничего не знали о последнем расследовании Центрального управления по борьбе с преступлениями против личности, в котором он принимал участие: политические, научные и военные задачи требовали, чтобы дело о «синдроме Е» осталось относительно секретным.

– Деньги не столь уж важны. А переход в уголовку, тут личное...

Леваллуа, сунув руки в карманы и глядя на реку, пожевал свою жвачку и сказал:

– Но все-таки ты какой-то кислый и сварливый. Надеюсь, не все к концу карьеры станешь такими?

– От тебя ничего не зависит. Станешь таким, каким судьбе будет угодно.

– Так ты еще и фаталист?

– Скорее реалист.

Шарко еще немножко полюбовался лодкой, потом встал и двинулся к машине.

– Ладно, пошли. Поедим где-нибудь, и надо будет навеститься домой к Еве Лутц.

– Слушай, а может, просто перехватим что-нибудь по дороге и двинем к Еве Лутц напрямиком? От всех этих мерзостей, увиденных в институте, у меня начисто пропал аппетит.

7

Это было обычное жилье одинокой студентки. Большая библиотека, книги, сложенные стопками штук по десять, битком набитые полки, угловой письменный стол, занимающий половину комнаты, стойка с дисками и новейшая техника – монитор, процессор, принтер, сканер. Двухкомнатная квартира Евы Лутц находилась в двух шагах от Бастилии, на улице Рокетт, узкой, мощенной булыжником улочке, ведущей, кажется, в средневековый город.

Для того чтобы войти сюда и произвести обыск, им пришлось звонить слесарю, иначе было дверь не открыть. Вообще сотовые телефоны полицейских работали сегодня безостановочно – все, кто участвовал в расследовании, обменивались информацией. Как только было доказано, что имело место преступление, бригада Белланже, дополнительно укомплектованная из других групп, взялась за дело. В то самое время, когда Шарко и Леваллуа работали здесь, другие допрашивали научного руководителя Евы, ее родителей, ее друзей, проверяли ее банковские счета. Знаменитый конвейер под названием «Орфейр, тридцать шесть» был запущен на полный ход.

Жак Леваллуа, надев перчатки, направился прямо к компьютеру жертвы, а Шарко тем временем стал медленно обходить комнаты, изучая обстановку, приглядываясь к вещам. Богатый опыт расследований научил его тому, что человеку, который захочет выслушать вещи, вещи всегда шепнут, зачем и почему они здесь.

Спальня изобиловала фотографиями в рамках, на которых комиссар увидел Еву, надевающую на себя резинки, чтобы прыгнуть с моста, Еву с парашютом, Еву в снаряжении фехтовальщика. Снимки явно делались в разные годы, но, взглянув на любой, можно было понять, насколько гибкой, быстрой и подвижной она была. Рост примерно метр семьдесят, кошачья пластика, удлиненные пропорции тела, зеленые глаза, длинные загнутые ресницы. Надев, по примеру напарника, перчатки, Шарко принялся тщательно осматривать и прощупывать все, что находилось в спальне. Один угол комнаты был оборудован тренажерами. Напротив кровати большой разноцветный плакат, на котором изображено генеалогическое древо гоминидов от австралопитека африканского до кроманьонца. Можно подумать, эта Лутц даже во сне разгадывала тайны жизни.

Шарко продолжал обыск, методично обшаривая полки шкафа, ящики... А когда уже собрался уходить из спальни, у него будто щелкнуло в голове. Он вернулся к фотографии поединка на рапирах и, нахмутив брови, провел пальцем по оружию Евы и ее соперницы.

– А вот это очень любопытно.

Озадаченный открытием, он снял фотографию со стены, сунул под мышку и пошел дальше по квартире. Ванная, коридор, хорошенькая кухонька. Папа с мамой, судя по первым результатам расследования, представители свободных профессий, видимо, неплохо свою Еву обеспечивали. В буфете и холодильнике полно диетических продуктов, белковых концентратов в порошке, энергетиков, фруктов. У молодой женщины, похоже, было все, что надо как для мозгов, так и для тела.

Шарко вернулся в гостиную-кабинет, подошел к письменному столу, быстро осмотрел комнату. Как и говорила Жаспар, телевизора нет. Он полистал книжки с полок и те, что лежали стопками, последние Ева, скорее всего, читала недавно. Биология, проблемы эволюции, генетика, палеоантропология – первобытный мир, о котором он почти ничего не знал. Еще здесь оказались сотни научных журналов, на которые девушка, вероятно, была подписана. На стене висел план подготовки диссертации и докладов на конференциях, напечатанный на обороте какого-то другого документа. Огромная нагрузка, неудобоваримая тематика: палеогенетика, микробиология, таксономия, биофизика.

Лейтенант Леваллуа, не обращая внимания на бумажные завалы и заумные книги, сконцентрировался на содержимом компьютера. Шарко посмотрел на напарника и хлопнул перчатками.

– Эй, что ты там нарыл?

– Тут клавиатура для левой, так что пользоваться ею непросто, тем не менее мне удалось проверить датировку всех содержащихся в компьютере файлов. Последний был создан год назад.

– А насчет латерализации что-нибудь нашел?

– Ничего. Ни единого упоминания нигде. Очевидно, кто-то здесь до нас побывал и все старательно уничтожил. Включая саму научную работу Евы.

– Мы можем вытащить содержимое жесткого диска?

– Как всегда, это зависит от того, какая использовалась файловая система. В некоторых документ можно полностью восстановить только в том случае, если он не был фрагментирован, то есть все его данные располагались на диске последовательно. Так что иногда при восстановлении файла можно собрать лишь россыпь кусочков, а иногда и вовсе ничего не соберешь.

Шарко глянул в сторону прихожей.

– Ключей от квартиры не оказалось ни у жертвы, ни в ее вещах, оставшихся в центре, а входная дверь была заперта. Устранив Лутц, убийца спокойно явился сюда, похозяничал как следует и, уходя, закрыл за собой. Хладнокровный тип наш убийца.

Леваллуа ткнул пальцем в снимок, который комиссар так и держал под мышкой:

– Зачем ты его-то стащил? Фанатеешь от боя на рапирах?

– Ну, взгляни сам, – отозвался Шарко. – Ничего не замечаешь?

– Кроме двух девушек-фехтовальщиц, похожих со своими рапирами на гигантских комаров? Нет, ничего.

– А это в глаза бросается. Они же обе левши! Когда знаешь, что левшой рождается только каждый десятый, такое, согласишься, может показаться странным.

Молодой полицейский, смутившись, взял фотографию, присмотрелся:

– А ведь точно! И леворукость – тема ее диссертации.

– Диссертации, которая пропала.

Шарко оставил напарника раздумывать над находкой и занялся ящиками письменного стола. Там оказалось все вперемешку: канцтовары, пачки бумаги, научные журналы... Слово, крупно набранное на одной из обложек, привлекло его внимание: «НАСИЛИЕ» – такова была тема номера. Знаменитый американский журнал «Сайенс», номер 2009 года. Комиссар пробежал глазами оглавление: материалы, посвященные нацизму, бойням в учебных заведениях, агрессивному поведению некоторых животных, серийным убийцам. Короткая аннотация по-английски состояла из одних вопросов: где искать причину насилия? В обществе? В историческом контексте? В образовании и воспитании? В генах?

Он со вздохом закрыл журнал. Он-то, с его жутким опытом, приобретенным в прошлогоднем расследовании, – он, возможно, и нашел бы ответы. Шарко отложил журнал и спросил, показывая на компьютер:

– А на какие сайты в Интернете она заходила чаще всего?

Леваллуа отложил фотографию, покачал головой:

– Никаких закладок, никакой истории, то есть не определишь предпочтений среди сайтов, все куки стерты или их прием был отключен изначально. И в почте ничего интересного. Надо будет обратиться к ее провайдеру: вдруг да удастся установить, куда она в Сети заходила и какие у нее вообще имелись контакты.

Шарко заметил, что везде – и в частности, на подставке с картой полушарий – сохранились какие-то чуть клейкие следы. Похоже, что отсюда оторвали цветные листочки с записями. И оторвал их наверняка убийца.

Следующим объектом, на котором застрял взгляд комиссара, была стойка с дисками.

– Меня бы сильно удивило, если бы оказалось, что Ева Лутц не сохраняла на дисках самое важное из того, что у нее было в компьютере.

– Я уже это проглядел, ну и если копии хоть каких-нибудь данных раньше были, теперь их в любом случае нет.

– Надо, чтобы сюда пришли криминалисты, осмотрели все как следует и проверили всю технику.

Тут на мобильник Леваллу кто-то позвонил, он поговорил несколько минут, а отключив сотовый, сказал Шарко:

– Две новости. Первая не имеет никакого отношения к этому делу – она насчет трупа в Венсенском лесу, трупа некоего Фредерика Юро. Наш шеф просил тебе передать, что твой бывший начальник хочет видеть тебя в своем кабинете как можно скорее. Прямо сейчас.

– Меня? Ну-ну... а вторая?

– Робийяр справился в картотеке полицейского управления, и оказалось, что меньше месяца назад Ева Лутц запрашивала справку об отсутствии у нее судимостей, кстати, ее досье криминалистического учета и впрямь пустое. Эта справка была ей нужна, чтобы получить разрешение посещать пенитенциарные учреждения.

– Тюрьмы?

– Ну да, она приложила список по меньшей мере из десяти. Можно подумать, наша жертва собиралась объехать чуть ли не всю Францию с единственной целью: встретиться с разными заключенными. А отсюда вопрос: зачем бы исследовательнице, наблюдающей за обезьянами, добровольно погружаться в тюремный ад? Что она там забыла?

8

В понедельник с утра Люси занялась сборами в Вивонн близ Пуатье. Она бросила в рюкзак кое-какую одежду и несколько бутылочек воды, потом сняла упаковку с нового мобильного и показала телефон матери:

– Купила для Жюльетты. Если она будет постоянно носить его в ранце, я всегда ее найду. Да знаю я, что она еще маленькая, но сама она не сможет звонить: это такая специальная опция, благодаря которой... которой я в любую минуту смогу узнать, где она находится. Всегда буду рядом с дочкой. Что ты об этом думаешь?

Мари Энебель не ответила. Она сидела на диване, нахмурившись, держа руки между коленями. В течение последнего года она так часто приходила в квартиру дочери, что квартира эта, можно сказать, стала ее вторым домом, и Люси даже превратила свой кабинет в спальню матери. По телевизору передавали какие-то музыкальные клипы. Мари встала, выключила телевизор и сказала очень серьезно:

– Люси, ради бога, не впутывайся в это дело, хватит с тебя и тех бед, какие уже случились. Не надо ездить в эту тюрьму, не надо ходить на похороны этой мрази. Тебе станет только хуже, ты же помнишь, доктор сказал, что нужно отвлечься, подальше отойти от... от всего такого.

– Плевала я на то, что сказал доктор! У меня нет выбора.

– Конечно же есть. Есть выбор.

Мари Энебель прекрасно понимала, чем кончится затея дочери. Если она поедет туда, откроются старые раны, Люси придется лицом к лицу столкнуться со злом, посмотреть ему в глаза, и она снова станет искать ответ на вопросы, ответов на которые не существует.

После долгого раздумья Мари, сцепив до боли руки, все-таки решилась:

– Мне нужно кое-что тебе сказать.

– Не сейчас, мама. Сейчас я пойду к Цитадели – погуляю с Кларком и Жюльеттой.

Встревоженная Мари провела рукой по лицу.

– Это связано с историей нашей семьи, с тем, как у нас было с двойнями...

Вот тут Люси заинтересовалась и, убедившись, что Жюльетта не собирается выходить из детской, подошла к матери:

– А как у нас было с двойнями?

Мари закусила губу, осмотрела свои ногти, она словно боялась поднять глаза на дочь. Потом усадила Люси рядом с собой.

– Понимаешь, после того, что случилось, я стала общаться с одним человеком...

– С женщиной?

– Нет, с женщиной. Она одновременно специалист по генеалогии и психотерапии и работает в основном над разрешением конфликтов, связанных с генными мутациями. Психогенеалогия – так называется ее наука. И мне бы хотелось, чтобы ты сходила со мной хотя бы на один сеанс.

Люси почувствовала, что кровь бросилась ей в лицо: вот только этого ей не хватало!

– Еще один мозгоправ? Почему ты не сказала раньше?

– Люси, пожалуйста! Мне и сейчас было трудно заговорить с тобой об этом.

Дочь решительно покачала головой:

– Можешь делать все, что тебе угодно, но на меня не рассчитывай: меня и так уже достали психиатры!

– Ты не поняла, она не психиатр. Она помогает нам увидеть... разглядеть наше прошлое, разобраться в отношениях с нашими предками. В кровных узах.

Мари опустила голову, словно она налилась свинцом, и на одном дыхании выпалила:

– У меня тоже была сестра-близнец.

Люси показалось, что ее ударили в солнечное сплетение, у нее сразу перехватило дыхание, и она отпрянула.

– Сестра... сестра-близнец?!

– Да. Ее звали Франс. В июне пятидесятого она появилась на свет первой. Это было в родильном отделении больницы Львена.

Комок в горле не дал Люси ответить. Мать почти никогда не рассказывала о своем прошлом, о своей юности – она словно бы заперла все это в старом сундуке, ключ от которого сразу же потеряла. Люси мало что знала о собственной семье, о своих предках. Все эти души, все эти тела рассеялись в пространстве, как горсточка пыли.

– Когда... когда случилась трагедия, нам было по четыре года. Мы еще жили в Калонне... Помнишь фотографии старого дома бабушки и дедушки, Люси?

Люси молча кивнула. Разумеется, она помнила. Маленький кирпичный домик в шахтерском поселке. Печка, которую топили углем, пестренькие плитки пола, здоровенный таз – в нем все члены семьи купались по очереди... Дедушка был шахтером, а бабушка, стоя на краю черного колодца, раздавала лампочки тем, кого недра этого колодца поглощали каждый день ровно в шесть утра. Рабочие люди. Люси была с ними едва знакома: обоих слишком рано унесла болезнь всех, кто глотает угольную пыль.

В голосе Мари звучала боль, она роняла слова, словно камешки, обкатанные временем:

– Это случилось летом. Мы с Франс играли в саду: рыли палочками ямки в земле поблизости от малиновых кустов позади папиного... дедушкиного курятника. Франс была куда более ловкой, чем я, и она вдвое быстрее раскапывала твердую черную землю. И она выкопала гранату. Твой дедушка к тому времени уже показывал нам гранаты, и объяснил, что, когда вдруг натыкаешься на оставшееся от войны оружие, главное – до него не дотрагиваться. В угольном бассейне люди нередко находили снаряды, мины, каски и даже скелеты фрицев, засыпанные когда-то землей.

Пальцы Люси нервно теребили край джемпера, а мать продолжала:

– Разумная для своих четырех лет, я велела Франс не трогаться с места, пока я сбегую к родителям и скажу, что мы нашли гранату. Но когда подбегала к дому, раздался взрыв.

Она терла и терла руки, как делала, наверное, все эти долгие годы, вспоминая о трагедии. Люси почувствовала, что на глаза у нее наворачиваются слезы.

– Смерть Франс стала в семье запретной темой, Люси, об этом никогда никто не заговаривал. Мои родители, мои тети и дяди, мои двоюродные братья и сестры – все делали вид, что Франс никогда и не было на свете. Мы отказались от нее, мы загнали эту постыдную тайну в самую глубину души. Не сохранилось ни единой фотографии, ни одного предмета, который напоминал бы о Франс. Даже я сама в конце концов забыла сестру, но разве мне оставили выбор?.. Четыре года... я была такая маленькая... Я даже сомневалась порой, а была ли у меня сестра на самом деле? И не находила в себе уверенности сказать: да, конечно, была.

Люси встала, подошла к матери, обняла ее.

– Мама, мама... ну почему ты мне никогда не говорила об этом?

Мари прижалась к дочери, погладила ее по спине, еле сдерживая слезы, и с трудом продолжила:

– А я, выжившая двойняшка, в двадцать два года забеременела. И первый же ультразвук показал, что...

Люси чуть отодвинулась, заглянула матери в глаза, прочитала там вину, глубокую печаль – и поняла. У нее все внутри сжалось, и она, как на автомате, договорила за Мари:

– Что ты беременна двойней. Но родился только один ребенок, потому что за время беременности поглотил другого... Потому что я пожрала свою сестру.

– Ты... ты – моя единственная дочь.

Дочь отстранилась, сжала кулаки. Ее душило отвращение. История маминой беременности была Люси известна и в свое время совершенно потрясла ее. Началось все с чудовищных головных болей в подростковом возрасте. Люси долго исследовали, не находя причин, и, только когда ей уже было почти шестнадцать, обнаружили этот ужас: врач извлек у нее из головы кожистую кисту – все, что осталось от ее так и не развившейся сестры-близнеца. Которую поглотил в первые месяцы после зачатия «доминирующий близнец». Она, Люси. Ничего подобного в медицине еще не встречалось.

Это открытие изменило характер Люси. Специалисты рассматривали этот случай всего лишь как проблему, связанную с зачатием, но для подростка он стал поводом считать себя мерзким чудовищем, стыдиться себя. Какие гнусные, какие низменные инстинкты заставили ее вытеснить сестру из материнской утробы? Зародышевый каннибализм у песчаных акул, о котором она узнала позднее, произвел на нее большое впечатление. У акул этого вида более жизнеспособные зародыши поедают более слабых. Естественный отбор осуществляется, таким образом, еще во внутриутробный период. Люси долго обдумывала этот феномен. Неужели она, как эти акулята, наделена самыми подлыми из инстинктов хищника? А не сохранились ли в ней эти инстинкты, унаследованные от первобытных предков, которые у других людей дремлют обычно где-то глубоко внутри? Неужели она пошла в полицейские именно для того, чтобы преследовать таких же хищников, как она сама?

Она внимательно посмотрела на взволнованную мать.

– А в прошлом году Клара... Господи! Нет, я все-таки не могу поверить, что...

Люси замолчала, ей не хватало сил отрицать очевидное. Мать взяла ее руки в свои.

– Факты говорят сами за себя. Что-то мешает близнецам в нашей семье выжить. Не знаю, рождались ли двойняшки у наших дедов, у наших прадедов – тут нужно изучать историю семьи, но одно точно: неразрешенные конфликты, тайны, недомолвки переходят из поколения в поколение. Ты даже и представить себе не можешь, сколько подобных примеров привела докторша! Уже Фрейд допускал возможность передачи зла через бессознательное, общее для членов одной семьи. Юнг, Дольто – они говорили о коллективном бессознательном, о совпадении внешних событий и внутреннего состояния. И это существует, существует!

– Это невозможно.

– Да ты только вспомни историю! Вот, например, Артур Рембо. Ему не удалось справиться с семейными проблемами, и он ушел от жены, оставив сына. Точно так же, как поступили его отец и его прадед... А Кеннеди, Рокфеллер? Ведь над ними словно проклятие висит! Есть вещи необъяснимые, Люси, но они же есть. На сеансе у психотерапевта я познакомилась с юношей, почти подростком, который с детства страдал кошмарами: стоило ему закрыть глаза, видел горящих людей. Такие сны преследовали мальчика до тех пор, пока дедушка не признался, что его чуть не сожгли в концлагере, признался ему первому, всю жизнь он хранил это в тайне. И с этого дня кошмары у юноши прекратились. В генах, в биологических механизмах происходят какие-то сбои, из-за которых нам приходится оплачивать долги своих предков, пусть даже и неизвестные нам. ДНК передает из поколения в поколение нечто, чего мы еще не знаем, я уверена, что это так и есть.

Люси покачала головой. Она долго проработала в полиции и была слишком рациональна, чтобы верить в байки о семейных проклятиях. Полицейский основывается на фактах, на конкретных доказательствах, а не на фантастических предположениях.

– Ты хочешь сказать, что не сделали бы в нашей семье тайны из гибели твоей сестры-близнеца, я не пожрала бы свою сестру еще в утробе, а Царно нашел бы себе другую жертву? Прости, но звучит невыносимо глупо.

– Ничего подобного я не говорила, и все это гораздо сложнее... Единственное, о чем сейчас тебя прошу: не едь завтра в эту тюрьму, пойдем лучше вместе к моему психотерапевту. Доктор откроет тебе глаза на твое собственное прошлое.

– Все это не имеет ни малейшего смысла.

– Ты отказываешься от помощи, Люси.

– А ты... ты ищешь объяснений там, где их не найти. Для меня все это – цепь совпадений, очень печальных, да, но просто совпадений. Я работала в полиции, я знаю, что такое смерть. Нет в ней ничего магического, ни при чем тут проклятия. Все дело в химии и биологии, мама. Ну а теперь, если позволишь...

Люси вздохнула и пошла в детскую, к Жюльетте. Ей казалось, что от беседы с матерью внутри стало как-то особенно пусто.

9

Кабинеты уголовной полиции...

Закрыв за собой дверь, комиссар увидел Бертрана Маньяна и Марка Леблona, его правую руку. Первый, прямой, будто палку проглотил, восседал в своем служебном кресле, второй с безразличным видом примостился на подоконнике выходящего на Сену окна. Старомодная обстановка, липкая атмосфера.

– Присаживайся, Франк.

Шарко молча повиновался. Грубый деревянный стул. Страдает не только задница, но и кости, наверное, потому, что он чересчур отоцал. Обычно в этой комнате, спланированной по принципу «открытого пространства», размещается человек пять-шесть офицеров полиции, которые согласно стучат по клавиатурам своих компьютеров. А сейчас либо все остальные на задании, либо их вежливо попросили на время очистить территорию. Марк Леблон подошел к шефу и сел рядом. Высокий, худой блондин лет сорока, и, как обычно, в сапогах с острым носком и скошенным каблуком и с пачкой дешевых сигарет. Лицом напоминает гада, рептилию с узкими глазами и порочным взглядом. До того как прийти в уголовку, этот тип пять лет работал в полиции нравов, надевал наручники шлюхам, в случае необходимости предоставляя им сервисное обслуживание. Шарко никогда не любил Марка, и это чувство было взаимным.

Светловолосый гад заговорил первым. Хриплый голос, тон человека, не терпящего возражений. Эта сволочь явно наслаждалась ситуацией.

– Расскажи-ка нам о Фредерике Юро.

Фредерик Юро... Тот, чье тело найдено в машине, в Венсенском лесу. Глядя на коллег, Шарко сумел принять равнодушный вид. Он скрестил руки на груди и непринужденно откинулся на спинку стула. В конце-то концов, он сейчас на своем прежнем месте.

– Что я вам могу рассказать? Что вы имеете в виду?

– Как тебе удалось его застукать? Когда?

Комиссар нахмурился, хотел было встать, но Маньян, привстав и протянув руку над столом, хлопнул его по плечу:

– Подожди минутку, комиссар, пожалуйста! Вот уже двое суток мы колупаемся с этим делом. Никаких свидетелей, никаких явных мотивов преступления. Юро не только не был завсегдатаем публичных домов, он даже трахаться уже не мог – из-за таблеток, которыми его перекормили в психушке. Так что же его привело в Венсен? У него было там назначено свидание? Вдруг захотелось проветриться? Но почему так далеко от всего? Короче, на данный момент мы в тупике: одни вопросы без ответов.

– И ты, убрав меня из бригады, хочешь, чтобы я помог вам выбраться из тупика?

– Признай, ведь тебе самому стало лучше! И твоя помощь была бы, как бы это сказать... услугой за услугу. Я просто задаю тебе вопросы, которые помогут нам продвинуться. Ты когда-то выследил Юро, ты арестовал его. Ты его знаешь. Вот и расскажи о нем и о его связях.

– Все это можно найти в его деле.

– Ну какой смысл копать в бумагах, когда можно поговорить с человеком? Потому нам и хочется получить важную информацию от тебя. Впрямую. Очень скоро моих ребят могут перекинуть на «обезьянье дело», и мне нужно поскорее продвинуться вперед в том расследовании, на которое всем чихать.

Шарко совсем расслабился.

– Да вряд ли я расскажу вам что-то, чего вы не знаете. Это было в начале нулевых годов. Юро только что развелся, прожив с женой десять лет, причем инициатором развода была жена. Развод он пережил тяжело, не мог переносить свалившегося на него одиночества. Ему тогда

только перевалило за тридцать, он работал на шинном заводе, и у него была маленькая квартира в Бур-ла-Рен. Однажды он взял на выходные своих дочерей – тут-то все и произошло.

Полицейский проглотил слюну, перевел дыхание, стараясь, чтобы голос не выдал волнения. Он держал себя в руках, хотя вовсе не забыл кошмара, представшего его глазам на пятом этаже обычного жилого дома.

– Девочек обнаружила мать в воскресенье вечером. Обе были в пижамах, обе утоплены в ванне. Хотите подробностей?

– Пока нет. Что было дальше?

– Отследив продвижение его банковских счетов, мы две недели спустя взяли Юро в Мадриде, где он остановился в занюханном отельчике. При аресте объяснил, что в момент преступления потерял рассудок и совершенно не помнит, как убивал девочек. Провели психиатрическое освидетельствование, эксперт поставил диагноз: кратковременный аффективный психоз, вызванный стрессом из-за развода. Когда он увидел плавающие в ванне трупы детей – сильно испугался и сбежал. Адвокаты Юро основывали защиту на статье сто двадцать два прим Уголовного кодекса: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения деяния было подвержено какому-либо психическому или нервно-психическому расстройству, лишившему его способности осознавать или контролировать свои действия». Процесс получился долгим и сложным, привлекалось множество психиатров, но в конце концов защита выиграла дело. Осужденного поместили на неопределенный срок в психиатрическую больницу Святой Анны, что же до матери... Несколько попыток самоубийства... Ей уже никогда не оправиться.

Маньян, не спуская глаз с комиссара, вертел в руках авторучку. Жесты у него были резкие, нервные.

– А ты? Ты-то сам что думаешь? Ты тоже считал, что он не подлежит уголовной ответственности?

– Какая разница, что считал я. Я свое дело сделал, остальное меня не касается.

– Не касается? Привет! Тебя же видели в зале суда! Ты так усердно посещал все заседания, будто это очень даже тебя касалось!

– Я вообще часто присутствую на заседаниях суда, когда рассматриваются наиболее серьезные из моих дел. Ну а тут я еще и в отпуске был.

– Вот я, когда у меня отпуск, еду на рыбалку или в горы. – Он повернулся к Леблону: – А ты?

Гад растянул узкие губы в подобии улыбки, и взгляд Маньяна вернулся к Шарко. Теперь хозяин кабинета был спокойным и насмешливым:

– А ты, значит, предпочитаешь зал суда... Ну что ж, каждому свое. Скажи, а тебе известны враги Юро?

– Среди всех родителей, живущих во Франции?

Долгая пауза, в течение которой действующие лица мерили друг друга взглядами. Наконец Маньян бросил на стол ручку и наклонился вперед, буравя глазами комиссара:

– Ты знал, что его выпустили?

Шарко ни секунды не колебался и ответил вполне искренне:

– Да. Последние годы Юро пробыл в больнице Сальпетриер: его перевели туда, чтобы подготовить к освобождению. А я там лечился в течение нескольких месяцев – думаю, знаете от чего.

Леблон неприятно улыбнулся.

– И вы там встречались?

– Хочешь сказать, в палате для буйнопомешанных с мягкими стенами?

– Зачем же так? Что-то больно ты нервный сегодня.

Шарко потер лоб. Солнце весь день било в окна, но стены оставались сырыми, будто зараженные грибок. Все помещение было пропитано накопившимися за годы запахами пота, табака, старой мебели.

– Нет, представляешь? – ответил он гаду. – Пока ты драил в армии сортиры, я уже делал ровно то, что тебе надо делать сейчас. Сажал за решетку. Вы за кого меня принимаете, а? За идиота? Вам хочется мне напакостить? Отравить мне жизнь только из-за того, что я был знаком с жертвой? Почему? За что? Только за то, что мне хотелось работать в другой команде?

– Иди ты со своей паранойей! Тебя просят немножко помочь, не более того. И напоминаю: мы говорим без свидетелей. Так встречались вы с Юро в больнице или нет?

– Случалось. Наши отделения были рядом.

– А после того, как он выписался из психушки, ты его видел?

– Два дня назад, в Венсенском лесу, и не в лучшем состоянии.

– Ты и сам не в лучшем состоянии, приятель, – парировал гад. – С тех пор, как ты потерял жену и дочь, ты не можешь отделаться от черных мыслей, и тебе везде мерещатся заговоры. Не понимаю, как можно держать на работе человека с поехавшей крышей!

На то, чтобы вскочить, с грохотом отбросив стул, и кинуться на Леблону, Шарко хватило секунды. Одинаково мускулистые и сильные, они натолкнулись на перегородку, уронили мусорную корзину, перевернули стул. Маньян, поморщившись, разнял их, не дав пустить в ход кулаки.

– Да успокойтесь же, черт побери! Какая муха вас укусила?

Обменявшись полными ненависти взглядами, они почти сразу же вновь заняли свои места. Шарко чувствовал, как пульсируют сосуды на висках. Леблон, чтобы прийти в себя, отошел к окну покурить. Маньян, внешне спокойный, попытался все уладить:

– Ладно, прости его. Естественно, ты выходишь из себя, слыша басни, которые про тебя распространяют, естественно и нормально. Ты, *комиссар*, жил себе в тепле и холе и вдруг стал дерьмо разгребать. В твоём положении я реагировал бы точно так же.

– Ты не в моем положении.

Маньян пропустил реплику мимо ушей и вернулся к теме:

– Значит, после больницы ты до субботы Фредерика Юро не видел?

– Если память мне не изменяет, нет, не видел. Но ведь ты знаешь: Бур-ла-Рен, Л'Аиле-Роз – это совсем рядом. И вполне возможно, что я, вовсе не собираясь за ним следить, когда-нибудь с ним пересекся. Ты же сам говорил, что порой я не в состоянии вспомнить, куда положил свою пушку.

Маньян повернулся к Леблону, глянул на него с усмешкой, потом продолжил разговор. Казалось, он стал еще спокойнее, он почти что улыбался.

– «Вовсе не собираясь за ним следить» – отлично. Перейдем к сегодняшнему дню и к тому, зачем мы тебя сюда позвали на самом деле, не возражаешь? Ты знаешь, что на одежде жертвы найден волосок из брови?

– Нет, я этого не знал. Какая мне разница, что там нашли.

– Очень трудно не оставить следов, которые нельзя было бы обнаружить со всей нашей современной техникой. Я бы даже сказал – практически невозможно не оставить следов. Не станешь спорить? Кожа – чешуйки и корочки, пото-жировые выделения, отпечатки пальцев...

– Ну и что?

– Из волоска извлекли ДНК, сравнили с данными из картотеки НАКГО⁹. И все сошлось. Если основываться только на науке и полностью исключить присущий нам как ищейкам нюх, можно сказать: преступник у нас в руках.

⁹ НАКГО – Национальная автоматизированная картотека генетических отпечатков.

– Случайно не моя это оказалась ДНК? – Шарко заметил, как сглотнул Маньян, как задергалось его веко. – А не потому ли мы не так давно сдали свой биоматериал и теперь образцы ДНК каждого из нас тоже включены в картотеку НАКГО, что мы тоже «загрязняем» место преступления? – продолжал комиссар. – Такое бывает всегда, и так будет в этом «обезьяньем» деле, которое мне сейчас поручено. ДНК шимпанзе, уборщика, приматолога, всех полицейских. Куча отпечатков на прутьях клетки! Ну и, черт побери, зачем ты позвал меня сюда? Чтобы обвинить? Чего ты добиваешься? Испортить несколько лет, которые мне остались?

Маньян немножко поколебался, потом заговорил снова, вроде бы даже искренне:

– Не в этом дело, *комиссар*. Проблема в том, как ты повел себя там, на месте преступления. Ты трогал труп, ты лез везде и везде наследил. Как будто хотел затоптать возможные улики и не дать нам шанса найти убийцу. А может, ты попросту хотел досадить мне, чтобы я прогнал тебя из бригады? Говори наконец правду, *комиссар*, мы же с тобой на одном поле пашем, не забыл?

– Я не спал ночь. Я думал сразу о тысяче вещей. Окно автомобиля было открыто, ну и мне захотелось глянуть, что за физиономия у парня, который решил прогуляться ночью в этой глуши. Да, сунулся внутрь машины, да, не принял никаких мер предосторожности, да, свалил дурака. Это ты хотел услышать?

Леблон в глубине комнаты молча выпускал дым в форточку, Маньян вернулся к разговору:

– Знаешь, а ведь возможно, убийца, который целился абсолютно хладнокровно, не надевал маски... Даже наверняка не надевал: хотел, чтобы Юро видел его лицо в минуту, когда получит отверткой в брюхо. Потому что... не знаю... потому что, может быть, хотел показать, что ничего не забыл, что считает Юро ответственным за свои действия... Судья принял доводы защиты, и он просидел всего-навсего девять лет в психбольнице, а признали бы тогда, что он в здравом уме, дали бы вдвое больше в тюрьме. Мы, полицейские, не выносим таких людей, потому как из-за них нам кажется, что вкалываем зря. Теперь что скажешь?

Шарко в ответ только пожал плечами, и Маньян продолжал гнуть свою линию:

– Чуть больше года назад ты был аналитиком, и у тебя должен найтись ответ на вопросы такого рода.

– Есть другие аналитики, они еще работают, проконсультируйся у них.

Шарко посмотрел на часы и встал, на этот раз – спокойно, без шума.

– Я оттрубил здесь почти тридцать лет. И за эти тридцать чертовых лет засадил за решетку немало парней раз в десять страшнее Юро. Я вкалывал так, как тебе, скорее всего, и не снилось. А ты решил меня уничтожить, как уничтожил тут многих до меня. Кроме ДНК, которую обнаружили на месте преступления, у тебя нет против меня ни-че-го. Да, я наследил там, но почему же ты не предупредил об этом экспертов-генетиков? Потому что они тебя не любят? Потому что ты бывал уже чересчур крут с подозреваемыми и даже с собственными сотрудниками? Я уже знаю, как ты осатанеешь, как будешь стараться потопить меня, ты ведь хуже стервятника. Тебе что – скучно, делать нечего? – Комиссар, наклонившись над столом, приблизил лицо к лицу Маньяна. – Говорю тебе это первый и последний раз в надежде, что усвоишь. Я не имею ни малейшего отношения к смерти Юро. Я такой же полицейский, как ты. Я вернулся в уголовку, потому что мне осточертел кабинет в Нантерре, неужели это непонятно? А если ты все еще сомневаешься, дам тебе и твоему болвану добрый совет: будьте впредь поосторожнее и смотрите, куда вляпываетесь.

– Сам будь поосторожнее! Мне нужен преступник, нужен как можно скорее, и можешь быть уверен – я его вот-вот найду, – ответил Маньян и бросил вслед направлявшемуся к двери комиссару: – Пока все это останется между нами, я ни слова никому не скажу. Что касается ДНК, тут ты прав: она остается повсюду, как отпечатки пальцев на отправленном по почте

письме. И я не хочу, чтобы у тебя из-за этого были неприятности. Видишь, мы все-таки заботимся о том, как ты будешь выглядеть в глазах людей!

Шарко, хлопнув дверью, вышел и быстро зашагал к автомату в конце коридора. Ему необходим был глоток воды, а потом – кофе. Крепкий, как можно крепче.

Держа в руке стаканчик, он свернул к своему кабинету, в котором теперь поселился Леваллуа. За окнами закатное солнце позолотило крыши домов, но влажность оставалась невыносимой. Шарко поставил обжигающий напиток на стол, тяжело опустился в кресло на колесиках. Он был измучен, разбит. Этот день, это подобие допроса выкачали из него ту малость энергии, какая еще оставалась.

Он кивнул в сторону бланков с заявлениями на отпуск:

– Дай-ка мне один листок, хочу взять отгул.

– Что-то не так? С Маньяном проблемы?

– Да нет, ничего. Просто мне надо спать, спать и еще раз спать. Словом, выспаться.

Леваллуа передал ему бланк, и Франк принялся медленно заполнять графы. Его новый начальник, Белланже, увидит заявление у себя на столе сегодня вечером или завтра утром. Возможно, он будет недоволен, ну и пусть. Его это нисколько не волнует.

– Какие новости насчет Евы Лутц? – все-таки спросил он.

– Только что виделся с Робийяром, он с утра носом землю роет. Уже дал мне список пенитенциарных учреждений и заключенных, с которыми встречалась наша фигурантка. Как минимум одиннадцать человек, и все с длительными сроками.

Шарко подписал заявление, вздохнул и протянул руку. Леваллуа передал ему список заключенных.

– Известно, зачем она с ними встречалась?

Теперь Леваллуа стоял с пустым термосом от кофе в руках.

– Пока неизвестно. Робийяр завтра продолжит поиски. Надо еще порыться в ее банковских счетах, в чеках. Но в общем-то Робийяр неплохо продвинулся. Ладно, извини, мне надо быть дома до восьми. Пока! Увидимся в среду... а ты выспись хорошенько в свободный день.

Лейтенант испарился – только дверь легонько хлопнула. Шарко некоторое время просидел с полузакрытыми глазами, наслаждаясь тишиной. В голове у него шумело, перед глазами стояли рожи Маньяна и Леблona. Они уже и так его достали, но вполне могут сделать его жизнь совсем невыносимой. Если они начнут распространять сплетни, все, просто все, станут смотреть на него косо. Шарко – шизик, Шарко – завсегдатай психушек, крыша у него до сих пор не на месте. А интересно, *комиссар* покрывал убийцу или сам кого-то уколошил? Это у него резьбу сорвало или просто от чрезмерного напряжения? Такое перед пенсией случается, многие полицейские, вволю накупавшись в дерьме, становятся алкоголиками, впадают в депресняк.

Сделав над собой усилие, он поднял веки и пробежал глазами список заключенных. Смотрел, не видя. Сконцентрироваться не удавалось. Слишком болела голова, слишком вымотался, всё – слишком.

Есть только одно решение. Вернуться домой. Лечь в постель и попытаться заснуть. На часок, может, чуть побольше. Проспать хотя бы до трех, когда он вздрогнет от холода. Как каждую ночь.

Шарко собирался уже положить бумагу на стол, когда взгляд его задержался на одной строке списка. Последней. Там была записана дата встречи Евы Лутц с заключенным: 27 августа 2010 года, в пятницу. Десять дней назад.

От адреса тюрьмы и имени заключенного у него кровь застыла в жилах.

Вивонн.

Грегори Царно.

10

Расклад внезапно изменился.

О том, чтобы отправиться спать, не может быть и речи.

Ева Лутц за два дня до смерти встречалась с Грегори Царно. С человеком, который всё разрушил.

Шарко жадно проглотил еще стаканчик кофе. Почувствовал во рту вкус выжженной земли.

Кофе и адреналин придали сил, и теперь он вышагивал по практически пустым коридорам уголовной полиции более или менее бодро. В этот час здесь оставались немногие. Несколько теней, склонившихся над бумажками, – те, чьи дела были самыми «горячими». Дежурные офицеры, парни из бригады по борьбе с наркотиками или попросту ребята, которым не хотелось возвращаться домой, настолько поглощала их работа. Поскрипывал под ногами освещенный мертвенным светом неоновых ламп паркет, в котором ему была знакома каждая трещинка и выбоинка, он любил эту обстановку, эти пустые коридоры, этот запах старого навозного дерева. Прошло тридцать лет, а здесь почти все осталось по-прежнему. И он, пусть до пенсии рукой подать, почти такой же, как прежде, разве что более худой и усталый, бродит тут как призрак, исполненный горечи и злости.

Он зашел в пустой кабинет Робийяра, лейтенанта, которому было поручено поработать с документами Евы Лутц: счетами, чеками, абонеменами, проездными билетами – словом, со всем, что способно было рассказать о расходах девушки. Позади, в маленьком окошке, был виден тонуций в ночи Париж. Это окошко, светившее во тьму, было пустым обещанием: «Спите спокойно, дорогие парижане, мы бережем ваш покой».

Шарко включился в работу. Надо изучить распорядок жизни жертвы и определить, случались ли в нем нарушения. Перед ним были две стопки бумаг: те, что успел прошерстить Робийяр, и остальные. Сначала он подвинул к себе первую стопку – с просмотренными документами, и очень скоро наткнулся на копии брони авиабилетов, полученные из бюро путешествий «Эр Франс». Почти два месяца назад, 16 июля 2010 года, Ева Лутц взяла билет эконом класса на рейс в Мексику. Посадка в международном аэропорту Абрахам Гонсалес города Сьюдад-Хуарес. Обратный билет был забронирован на 21 июля, то есть Ева собиралась провести в Мексике пять дней.

Восемь дней спустя после возвращения Лутц снова отправилась в аэропорт Орли, чтобы лететь в Бразилию, в Манаус. На этот раз на неделю: обратный рейс предполагался 5 августа.

Комиссар в задумчивости потирал подбородок. Два путешествия в Латинскую Америку, одно за другим, как раз перед тем, как девушка пришла работать в Центр приматологии. Не очень это похоже на каникулы. Сьюдад-Хуарес был Шарко известен как один из самых опасных городов мира. Его зловещей репутации немало поспособствовало «дело об убийстве женщин»: с 1993 по 2005 год их там исчезло около пятисот. Три четверти жертв похищения были потом найдены, всех их избивали, насиловали, после чего душили. Одна из самых жутких криминальных историй всех времен, загадка, которая никогда не будет разгадана.

Но что было делать в этом разбойничьем притоне двадцатипятилетней девушке, наблюдающей за тем, в какую руку обезьяна берет плод, собираясь его съесть?

Заинтригованный комиссар отложил бланки «Эр Франс» в сторону и занялся лежавшими под ними счетами за тот же период. Робийяр уже успел извлечь из них кое-какую информацию. Выяснилось, что в Мексике Ева Лутц никуда не выезжала из отеля «Лас-Мисьонес», расположенного в самом центре города, и ужинала там же, скорее всего в гостиничном ресторане, зато в Бразилии все было иначе. Здесь студентка в первый же день использовала свою золотую банковскую карточку «Виза Интернешнл». Прилетев, Ева сразу же сняла с нее при посредстве

одного из банкоматов Манауса больше четырех тысяч реалов, то есть около двух тысяч евро, и в дальнейшем, видимо, расплачивалась только наличными, потому что никаких документальных следов ее пребывания в стране не осталось.

Робийяр накопил еще кое-что любопытное: Еве предстояло новое путешествие в Манаус. Во всяком случае, об этом свидетельствовала гостиничная бронь. Отлет планировался через два дня.

Стало быть, Ева Лутц собиралась вернуться в Бразилию.

Париж – Сьюдад-Хуарес – Париж в середине июля 2010 года. Пять дней в Мексике.

Париж – Манаус – Париж в конце июля 2010 года. Семь дней в Бразилии.

И снова Париж – Манаус – Париж: с 8 по 15 сентября 2010 года – так было намечено.

Вот только этого путешествия Еве никогда уже не совершить.

Наткнувшись на новую тайну, Шарко вспомнил слова приматолога Клементины Жаспар: «Она мне сказала по секрету, что столкнулась с чем-то совершенно невероятным».

– Допустим, ты действительно столкнулась с чем-то невероятным, – произнес он вслух, – допустим. Но какого оно рода? И есть ли хоть какая-то связь между этими полетами в Латинскую Америку и твоей смертью?

Он включил компьютер и вывел на монитор карту Бразилии. Страна величиной с двадцать пять Франций отделена от Мексики Боливией. Где находится Манаус, полицейский точно не знал, но, запросив информацию о городе, выяснил, что расположен тот на северо-западе Бразилии и является столицей штата Амазонас.

После этого комиссар выяснил в Википедии, что Манаус стоит на слиянии рек Рио-Негро и Солимоэнс, как раз в том месте, где эти реки, встречаясь, образуют Амазонку. Огромный город с почти двумя миллионами населения долго жил только за счет экспорта каучука, который добывали в амазонских лесах, но сейчас он вполне современный: оживленное движение, множество предприятий, «Макдоналдсы» и супермаркеты, большой грузовой порт. Лакомый кусочек для туристов.

Выйдя из Википедии, Шарко потер глаза: горят, ну и ладно. Комиссара задело за живое, ему хотелось разобраться до конца, найти что-то, что позволит ему сделать хоть какие-нибудь выводы из своих рассуждений. Скорее всего, сегодня тоже предстоит бессонная ночь.

Он перешел ко второй стопке – той, которой Робийяр еще не успел коснуться. Снова выписки из счетов, суммы, суммы, суммы... Он быстро пробежал глазами по столбцам цифр – ничего конкретного. Получение денег по вкладу, какие-то расходы... Еще лист, еще... И вдруг – строка, удержавшая его взгляд, привлекая внимание: для того чтобы снять деньги, Ева Лутц воспользовалась карточкой во французской деревушке под названием Монтемон. Савойя... Она сняла двести евро в субботу 28 августа 2010 года, вечером. Вот, напечатано: в 21.34.

На следующий день после встречи с Грегори Царно.

Полицейский откинулся в кресле, пригладил назад волосы. Стало быть, сразу после Вивонна Ева Лутц метнулась в Альпы. Это больше семисот километров. А что, если студентка за чем-то охотилась? Какой такой ветер гнал ее из городов Латинской Америки к самым высоким горам Европы в то самое время, когда ей было положено, сидя за письменным столом, прилежно изучать правшей и левшей? Почему обычное исследование проблем латерализации привело Еву к необходимости столько путешествовать, а может быть, и к ужасной смерти?

С чего бы это вдруг чисто научная работа заставила ее взять курс на убийц и приблизиться вплотную к подонку Царно? И зачем ей после этого надо было возвращаться в Бразилию?

Царно... Самый ненавистный комиссару человек в мире... В связи с расследованием у него появилась возможность встретиться с ним лицом к лицу. Этого он и хотел. Чтобы разобраться с ним самому, в одиночку.

Шарко сжал челюсти, как бы нечаянно уронил выписку из банковского счета на пол и носком ботинка задвинул листок бумаги под ящик на колесиках.

11

Небо казалось траурным.

Когда автомобиль с лилльским номером добрался до города Вивонна, там шел дождь. Впрочем, этот черный, как стая мух, дождь бил в ветровое стекло «Пежо-206» уже добрые два десятка километров, и казалось, этому нет ни конца ни края.

За время пути Люси остановилась только один раз – чтобы глотнуть на заправке какого-то кислого кофе и сгрызть печенье. Она ехала всю ночь и весь день и думала о материнской исповеди. На самом деле истории с семейным проклятием нагнали-таки на нее страху.

Она посмотрела на часы. Ровно в четыре пополудни на муниципальном кладбище Рюф-финьи, в десяти километрах от Пуатье, зароят в землю эту сволочь. В том самом городе, где Царно прожил большую часть своей жизни простым рабочим. Люси хотела видеть, как гроб скроется в черной яме, ей было необходимо видеть, как похоронят подонка, жизненно необходимо. А если мать этого не понимает, тем хуже для нее.

Раньше Люси нужны были ответы на вопросы. Но случилось то, что случилось, – там, за стенами с колючей проволокой сверху, за стенами гнетуще серого цвета, которые вот прямо сейчас встают перед ней. В сверхсовременной тюрьме, где Грегори Царно приговорил себя к смерти и казнил.

Вивонн.

Майор Кашмарек верен себе, он все предусмотрел, все сделал как нельзя лучше. После того как Люси предъявила в проходной удостоверение и сдала ключи, мобильник и бумажник с документами, охранник показал ей, как пройти в особое крыло здания, где находится тюремная психиатрическая служба, главные цели которой – выявление всяческих отклонений в психике и оперативная медико-психологическая помощь наиболее уязвимым с этой точки зрения заключенным. Надо сказать, что за последние несколько лет тюрьмы Франции превратились в настоящие рассадники душевных болезней.

Люси молча шла по коридору, в который выходили двери одиночных камер – чистеньких, современных. В каждой по арестанту – либо валяющемуся на постели, либо сидящему на идеально вымытом линолеуме. Для места, где царит безумие, обстановка скорее спокойная, самое большее, что можно услышать, – шепот или храп. Она шла, а ее мерили из-за решеток отупевшими взглядами: кому-то из заключенных не лень оказалось дотащиться до двери, чтобы посмотреть на нее и вспомнить, как выглядит женщина. Неприятные шепотки за спиной, кажется, бранные слова, языки, облизывающие потрескавшиеся от нейрорептиков губы... Люси старалась выдержать эти взгляды, эти слова – пока еще хватало сил. Тот, кто похитил ее ребенка, кто сеял зло, был той же породы, что эти. В чем бы ни состояли их преступления, каковы бы ни были обстоятельства их ареста, все они были одинаково ей противны. Отвратительны. Мерзки. Все без исключения должны гореть в аду.

Она резко остановилась перед пустой камерой. Сердце в груди сжалось. Она медленно подошла к двери, взялась за ледяные прутья решетки. В реальности нарисованный Царно перевернутый пейзаж бил по нервам еще сильнее, чем на фотографии. Настоящая многоцветная фреска, не меньше полутора метров в ширину, исполненная с ювелирной точностью. Море, вспененные волны, солнце... Люси в первый раз пришло в голову: а вдруг этот мерзавец дошел в своей извращенности до того, что изобразил пляж в Сабль-д'Олон? Охранник вставил ключ в замочную скважину находившейся прямо перед ней тяжелой двери.

– Доктор позволил ему дорисовать это до конца. Сроду никто из нас такого не видел! Представляете, он даже головы не наклонял, чтобы рисовать вверх ногами! Со стороны все выглядело так, будто он рисует нормально... Тут скоро сделают ремонт и все закрасят, станет, как было до него. Нам хочется забыть Царно – и поскорее.

Охранник подождал. Люси молчала и стояла неподвижно.

– Так вы пойдете дальше, мадам?

Люси еще несколько минут смотрела на пустую кровать, чистый, как в больнице, пол. Как легко представить себе здесь Царно – похожего на зверя громилу с маленькими черными глазками садиста. Как легко представить себе его орудующим фломастерами, смеющимся или развлекающимся на этих нескольких квадратных метрах.

– Он часто плакал? Грегори Царно часто плакал?

– Не знаю, мадам. А почему вы об этом спрашиваете?

– Просто так.

Люси медленно пошла дальше.

Переход в административное крыло, лязганье предохранительных затворов при входе и выходе. Лязганье, от которого вздрагиваешь, отзвуки которого передаются все дальше и дальше по бесконечным коридорам, затухая перед анфиладой кабинетов. Все кабинеты одинаковые, в последнем, доверху загроможденном бумагами, разместился Франсис Дюветт, один из психиатров, отвечающих за душевное здоровье арестантов. Лысый, бледный человек лет сорока, с впалыми щеками, в нескладно сидящем халате. Поздоровавшись, доктор предложил Люси кресло.

– Мы никогда не встречались, мадемуазель Энебель, и прежде всего я должен сказать вам, что вовсе не стремлюсь снять с моего пациента ответственность за совершенное им. Но Грегори Царно страдал психическим заболеванием, и мой долг состоял в том, чтобы разобраться в причинах этого заболевания.

Люси нервно одернула полы жакета. До того как случилось несчастье, она преклонялась перед тюремными психиатрами, психологами, врачами, которые посвящали свою жизнь облегчению чужой участи и, возможно, были в куда большей степени узниками, чем их пациенты. Но сегодня смотрела на вещи иначе: она предпочла бы, чтобы этого типа, который сейчас сидит перед ней, и вовсе не существовало.

– Какого же рода заболеванием он, как вы говорите, страдал?

– Его состояние больше всего напоминало состояние шизофреника в фазе, сопровождающейся бредом. Яркие видения, внезапные приступы ярости, неуправляемость, которая способна довести до самого плохого исхода. Видимо, из-за всего этого Царно и покончил жизнь самоубийством. Он слишком остро чувствовал свой недуг и часто жаловался на невыносимые головные боли.

– То есть Царно был шизофреником?

– Нет, не думаю, и это, пожалуй, самое странное. У него не отмечалось характерной для шизофрении деперсонализации, которая создает у больного ощущение, что он раздваивается, дробится на части. У него не было галлюцинаций, то есть он не видел несуществующих персонажей как реальных. В диагнозе, поставленном ему мной, нет слова «шизофрения», речь скорее о регулярно повторяющихся приступах бреда. И несмотря ни на что, я убежден, что его способность «видеть мир вверх тормашками» вполне реальна, это никакая не галлюцинация. Его рисунки слишком проработаны для галлюцинации, слишком тщательно отделаны. Попробуйте сами нарисовать хотя бы одно дерево вверх корнями – сразу поймете, как это трудно.

– Но если это не галлюцинации, то что? Объясните, пожалуйста.

– Не знаю. Насколько мне известно, подобные симптомы в медицинской литературе не описаны. Надо было сделать МРТ, то есть магнитно-резонансную томограмму его мозга в процессе деятельности, – может быть, исследование показало бы реальную органическую дисфункцию в области зрительной коры или хиазмы, места, где правый и левый зрительные нервы, сливаясь у основания черепа, образуют зрительный перекрест. Неврологи уже сталкивались с такой проблемой, как гемианопсия – выпадение части поля зрения каждого глаза, человек,

страдающий этим недугом, видит от каждой картинки, например, только половину или четверть, но симптомы, подобные тем, какие наблюдались у Царно, повторяю, нигде не описаны.

– А как со вскрытием?

– Его, к моему величайшему сожалению, не делали. Констатировано самоубийство, ни у кого никаких сомнений, а правила в тюрьме, знаете ли, несколько отличаются от обычных. Царно был приговорен к тридцати годам, из них двадцать пять – особо строгого режима. И вот его нет. Что же до его приемных родителей... они не потребовали расследования причин смерти.

Доктор взял листок бумаги и начал рисовать.

– Глаз работает как линза. Предмет, который человек видит в реальном мире, на сетчатке оказывается перевернутым. И вот тогда в игру вступает мозг, а именно – зрительная кора, которая и восстанавливает правильное положение, то, что определяется силой тяжести. Так вот, вполне можно предположить, что чуть больше года назад работа этой зоны мозга у Царно начала мало-помалу разлаживаться и дело кончилось настоящей неврологической дисфункцией.

– Следовательно, все это началось еще до того, как он сорвал зло на моих детях?

– Да, именно так. Он говорил, что начал рисовать все вверх дном еще на бумаге – до того, как совершить преступление. Только, видите ли, лист бумаги можно перевернуть, и все будет выглядеть нормально, ну и поди знай, говорит пациент правду или лжет. Но как бы там ни было, эти приступы особенно часто и неуклонно повторялись у Царно в последние недели.

– А скажите, эти перевернутые изображения... они могли быть так или иначе связаны с его жестокостью? С насильственными действиями, которые он совершал?

Дюветт, похоже, взвешивал каждое слово, перед тем как его произнести.

– Думаю, вам, как и мне, известно прошлое Грегори Царно. Его воспитывали любящие приемные родители, католики. Детство у мальчика было самое что ни на есть нормальное. Учился он средне, но был спокойным ребенком, не шалил, не хулиганил, не бузил. Ребенком Царно почти не дрался, консультации у психиатров в анамнезе не значатся. Да скорее всего, никто его и не задирал – такого здоровяка: в тринадцать лет росту в нем было уже сто восемьдесят сантиметров, и он от природы был очень силен. Поскольку мать оставила его в роддоме, и имя ее неизвестно, я даже не пытался отыскать анамнезы его биологических родителей. Это белое пятно в его карте. Вообще, все, что нам известно об особенностях Царно с медицинской точки зрения, – непереносимость лактозы: стоило ему выпить каплю молока, у него начинались безудержная рвота и диарея. Иногда другие заключенные развлекались тем, что подливали немножко молока в его пищу, им доставляло удовольствие видеть, как он мучается.

– Вот уж что волнует меня меньше всего на свете, так это его мучения!

От напряжения Люси до синяков исщипала себе ноги. Все это из-за царящей здесь атмосферы безумия и смерти. Она ведь тоже интересовалась прошлым убийцы своей дочери. Родился 4 января 1958 года в Реймсе у женщины, пожелавшей остаться неизвестной, был усыновлен семейной парой из того же города, верующими тридцатилетними людьми. Все они вскоре перебрались в Пуату, поскольку приемного отца Царно перевели туда по службе. Когда Царно подросток, он устроился рабочим на местную фабрику по производству ящиков для льда. Никаких проблем у него не было, работал нормально, не прогуливал, люди оценивали его положительно, и так продолжалось до тех пор, пока он не совершил непоправимое.

Едва не прокусив себе щеку, Люси вернулась к настоящему. Стоило ей подумать о безоблачном прошлом убийцы своей дочери, самообладание ей отказывало. И так каждый раз. Она не хотела знать ничего, что могло бы снизить степень ответственности Царно. Он умер? Пусть так, но она хочет, чтобы груз его вины оставался на нем, чтобы он унес этот груз с собой в геенну огненную.

– Люди, чье детство было абсолютно нормальным, могут стать весьма порочными, извращенцами из извращенцев, – сухо сказала она. – Этому немало подтверждений. Для этого не требуется каких бы то ни было аномалий мозга, не требуется дурной наследственности. И мучить животных в детстве тоже не обязательно. Многие из убийц, с которыми я сталкивалась, были до того, как совершили преступление, вполне доброжелательными людьми – из тех, кому грехи отпускают без исповеди. Того и гляди, живыми в рай возьмут.

– Да, я прекрасно это знаю. Но, учитывая реальное положение вещей, не могу не констатировать, что у Царно наблюдались периоды особой агрессивности, равно как и периоды проблем со зрением, сопровождавшиеся головными болями. В последнее время те и другие явления участились, усилились, причем те и другие в одинаковой пропорции. Не исключено, что одно связано с другим. Мозг – сложное устройство, и нам известны далеко не все его тайны.

Психиатр, всем своим видом выражая покорность судьбе, приподнял связку бумаг и уронил – так, словно это кирпич.

– Все это очевидно, просто в глаза бросается. Царно страдал *чем-то*, что, усиливаясь, с каждым днем ухудшало его состояние – примерно так, как бывает при раке. Нет сомнений в том, что, будь Царно на воле, можно было бы поставить более точный диагноз, найти способы лечения. Нет сомнений и в том, что Царно давным-давно нужно было сделать МРТ и провести полное обследование. Но здесь, вы же понимаете, все происходит очень медленно из-за этих чертовых бумажек и жестокой нехватки средств. А теперь мой пациент мертв.

Люси наклонилась над столом, чтобы стать ближе к собеседнику.

– Вот так, глаза в глаза, прошу вас: скажите, вы считаете, что Грегори Царно мог совершить свое чудовищное преступление из-за каких-то проблем с мозгом? Вы считаете, что спустя целый год после ареста и приговора он вдруг задумался о своей ответственности? Вы считаете, что двенадцать присяжных, признавших его вину, ошиблись?

Доктор откашлялся, отвел на минутку глаза, потом опять прямо посмотрел в лицо посетительницы и больше уже не отворачивался.

– Нет. В то время он отдавал себе полный отчет в том, что делает.

Люси, прикрыв рот ладонью, упала в кресло. Ответ ее не удовлетворил: врач говорил вяло, в голосе не хватало уверенности, он соврал, чтобы не надо было пересматривать вердикт присяжных, чтобы она и сама успокоилась, и его оставила в покое. Да-да, именно так.

– В то время... А вы совершенно уверены в сказанном? Может быть, вы просто хотели меня успокоить, сделать так, чтобы я больше не думала об этом?

Дюветт принялся переключать бумажки, как будто вдруг решил навести порядок на своем письменном столе. Теперь он прилагал все усилия, чтобы, не дай бог, не встретиться взглядом с Люси.

– Совершенно уверен. Я сказал вам ровно то же самое, что другому полицейскому, тому, что приходил до вас. Царно был вменяем и должен был нести ответственность за свои действия.

Люси нахмурилась.

– До меня приходил еще какой-то полицейский? Когда?

– Ровно два часа назад. Он приехал рано утром из Парижа. Работает в уголовной полиции, на набережной Орфевр. Выглядел так, будто не спал тысячу лет. Он дал мне свою визитку... Да ее и визиткой не назовешь, просто картонка...

Он открыл ящик, достал из него белый картонный прямоугольничек и протянул Люси.

Люси показалось, что ее ударили под дых.

По белому прямоугольничку наискосок было написано авторучкой: «Франк Шарко».

– Все в порядке, мадемуазель Энебель? Вы хорошо себя чувствуете?

Люси вернула карточку. Пальцы у нее дрожали. Среди контактов в ее мобильнике больше не значился Франк Шарко, она стерла его номер, стерла вместе с чувствами, какие могла бы

испытывать к этому полицейскому. По крайней мере, ей так казалось. И увидеть его имя снова, здесь и сейчас, так внезапно, при таких обстоятельствах...

– В уголовной? Вы точно знаете?

– Абсолютно точно.

Они долго молчали, Люси никак не удавалось поверить в происходящее.

– А что ему было надо? Зачем Франк Шарко приезжал сюда?

– Вы с ним знакомы?

– Была знакома.

Лаконичный ответ, после которого откровенности ждать не приходится. Психиатр и не ждал, предпочел вернуться к теме:

– Ваш коллега задавал мне вопросы о Еве Лутц, студентке, приезжавшей к Царно дней десять назад. А теперь, по его словам, эту девушку убили.

Голова у Люси пошла кругом. Царно мертв, но призрак его рядом, близко, как никогда. Она думала о Шарко. Значит, он все-таки работает, причем уже не в Нантерре, а в Париже, в уголовке... Почему он не бросил эту растреклятую службу, как собирался до того, как похитили близнецов? Да еще и вернулся «на землю», туда, где кровь, где вспоротые животы, грязь? Вернулся к тому, с чего начинал.

Она глубоко вздохнула: чересчур много сразу свалилось на нее. Ей надо действовать более спокойно, более методично – как действуют полицейские, как действовала она сама, когда служила в полиции.

Сначала она задала несколько вопросов об обстоятельствах преступления. Психиатр объяснил, что знает немного – только то, что ему захотел сообщить комиссар Шарко: тело Евы Лутц было найдено в Центре приматологии неподалеку от Парижа. На лице девушки был след укуса, из ее квартиры похищены какие-то данные. Известно, что эта студентка просила разрешить ей посещение нескольких особо жестоких преступников, находящихся в разных тюрьмах Франции. Люси пыталась получить максимум информации, сопоставить факты, выстроить их в соответствии с логикой. Помимо ее воли мозг бывшего лейтенанта полиции заработал на полную катушку, и она чувствовала, как возвращаются, казалось бы, утерянные рефлексy ищeyки.

– Зачем? Зачем Еве Лутц понадобились встречи с этими преступниками?

– Все они левши.

Доктор заметил, как взволновал собеседницу этот невинный ответ, и постарался уточнить:

– Я не имею в виду, что все преступники левши, это она сама, Ева Лутц, отбирала из преступников только левшей. Причем отбирала из самых жестоких, самых агрессивных, тех, кто убивал по неясным мотивам и в большинстве случаев был не способен объяснить, как это произошло.

– Но... но почему, зачем? Какая у нее была цель?

– Думаю, целью была научная работа, диплом или диссертация. Когда Ева сюда приехала, она хотела подробнейшим образом расспросить Грегори Царно, но заключенный был не совсем в форме, и мне пришлось служить посредником. Она хотела, например, узнать, были ли левшами родители Царно, заставляли ли его писать или делать что-то другое правой рукой, когда он был ребенком. Ну и еще кучу подобных вопросов задала – на их основании можно составить статистический отчет или выдвинуть какую-то гипотезу. А вы знаете, что Царно большей частью действовал правой рукой?

– Мне это все равно.

– Как мне объяснила Лутц, он ел и рисовал правой рукой, потому что приемные родители заставляли его быть правшой. С древнейших времен леворукость воспринималась людьми как недостаток, если не проклятие или метка дьявола. Особенно в Средние века. Ну а Царно, стало

быть, являлся лжеправшой, он был вынужден стать правшой под давлением родителей-католиков. Так уж его воспитывали.

Люси задумчиво посмотрела на психиатра и, помолчав, сказала:

– И тем не менее... он зарезал мою дочь левой рукой. Шестнадцать ударов ножом без малейшего колебания.

Дюветт встал и принес две крохотные чашечки кофе.

Люси продолжала размышлять вслух:

– Так, будто леворукость спряталась в нем и никогда его не покидала...

– Именно, именно. И вот такие детали больше всего интересовали Еву Лутц. Возможно, леворукость передается по наследству, по сути, это явление генетическое, и при определенных обстоятельствах воспитание, будучи не способно ничего противопоставить генам, сдает позиции. Мне кажется, здесь она искала подтверждения именно этой теории.

Люси покачала головой, глаза ее смотрели в пустоту.

– Но этим нельзя оправдать его преступление. Этим нельзя оправдать убийство.

– Наверное, нет, нельзя. Но мне нужно сказать вам еще кое-что. Во-первых, мадемуазель Лутц непременно хотела увезти отсюда фотографии Царно: ей, дескать, нужны фотографии, чтобы «легче было припомнить» каждого из опрошенных, когда дело дойдет до написания работы. Ну, я отдал ей копии фотографий из досье, сделанных по системе Бертильона: фас и профиль, – к антропометрическим данным доступ не закрыт. А во-вторых, понятия не имею, какое отношение это имеет к леворукости, но я видел, как изменилось поведение Евы Лутц, стоило ей увидеть стену камеры Царно с перевернутым рисунком. Она буквально засыпала меня вопросами о происхождении «фрески»: когда Царно это нарисовал? Зачем? Пытался ли кто-нибудь получить от него объяснения? Казалось, при виде этого рисунка она сильно возбудилась, прямо-таки распалилась.

– И вы не поняли почему?

– Нет... Но понял, что после этого изменилось и ее мнение о Грегори Царно. Увидев рисунок на стене, она стала смотреть на моего пациента, как... как зачарованная...

Люси вздрогнула. Быть зачарованной чудовищем?

– Она уехала, ничего для меня не прояснив, и больше я ее не встречал. А сегодня узнал, что девушка мертва. Все это очень странно.

Люси молча допила кофе, ей никак не удавалось прийти в себя, слишком ее поразило все услышанное. Но здесь больше не о чем говорить, здесь больше нечего делать. Для того чтобы свернуть разговор, она задала несколько дежурных вопросов, поблагодарила Дюветта и вышла из тюрьмы. Рухнув на сиденье машины, она несколько минут вертела в руках небольшой полуавтоматический пистолет, всегда лежавший в бардачке рядом с парой старых шерстяных перчаток и стопкой ни разу не прослушанных дисков. Ей стало легче, когда она взяла в руки пистолет. Тяжесть рукоятки, холодок металла успокаивали ее...

Она приехала сюда за ответами, а уезжает с еще бóльшим количеством вопросов. Что творилось в голове у этой Евы Лутц? А в голове Царно? А в головке Клары, когда к ней наклонился этот почти стокилограммовый гад? Столько неизвестного, столько непонятного, чего, похоже, уже никогда не прояснишь и не поймешь.

Люси положила пистолет на место. Она завела себе оружие, потому что в глубине души всегда надеялась разрядить его в убийцу своей девочки. Проникнуть тем или иным способом в здание суда и выстрелить ему в голову – так, чтобы сразу. Но ей не хватило смелости это сделать. Потому что была ведь еще Жюльетта, и материнский долг предписывал ей неусыпно заботиться о единственной теперь дочери.

Тронувшись с места, Люси глянула в зеркало заднего вида и поняла, что вот-вот расплачется. Она резко затормозила, вынула мобильник и набрала номер Жюльетты, ее телефон всегда находился в школьном ранце. И если та сейчас в классе, не важно. Ей нужно поговорить со

своей девочкой, услышать ее голос, убедиться, что все в порядке, пусть даже звонок мешает учительнице вести урок.

К сожалению, она попала на автоответчик. И оставила на нем длинное сообщение, полное любви...

12

Франк Шарко с непокрытой головой шел под проливным дождем. Ветер усилился, от его ледяных шлепков горели щеки. Комиссар поднял воротник и, сунув руки в карманы, двинулся дальше по кладбищу.

Траурную процессию он обнаружил в конце шестой аллеи. Черные силуэты выстроились в ряд, и единственным признаком того, что это живые люди, была их борьба с зонтами, так и норовившими вырваться или вывернуться наизнанку. Скорее всего, тут приемные родители Грегори Царно, родственники – тетки, дядя. Люди, для которых этот убийца оставался подобием человека. Люди, терзаемые вопросами, на которые они никогда не получают ответов. Вымокшие насквозь могильщики опускали в черную дыру деревянный ящик.

Холод пробирал до костей. Шарко огляделся и заметил застывшую фигуру, – как и он сам, стоявшую в стороне от остальных. Зонтика над ней не было, только длинный плащ с капюшоном, полностью скрывавшим лицо, виден был только кончик носа. Незнакомец или незнакомка явно делал все, чтобы оставаться в мертвой зоне по отношению к могиле Грегори Царно, – видеть все, оставаясь невидимым. Почему?

Комиссара это заинтересовало, и он решил посмотреть, кто это, но так, чтобы застать неизвестного врасплох. Для начала он убедился, что пистолет на месте, потихоньку обогнул могилы и оказался за спиной человека в плаще. Камешки под подошвами башмаков расползались, но благодаря дождю и ветру шаги оставались неслышными.

Подойдя вплотную, Шарко положил руку на плечо наблюдателя, тот рывком обернулся, и Франку почудилось, что земля уходит у него из-под ног.

Несмотря на сумерки, это озябшее, все в струях дождя лицо он узнал мгновенно.

– Люси?

Ей потребовалась доля секунды, чтобы понять, кто перед ней. Но неужели это действительно он? Тот крепкий, импозантный мужчина, с которым она познакомилась больше года назад? Куда делся его цветущий вид, его стать? К кому она обращается – к тени, к призраку или все-таки...

– Франк? Это... это ты?

Люси замолчала: спазм, стиснувший внутренности, не давал говорить. господи боже мой, что с ним? Что его так изменило? Смерть Клары? Их внезапный разрыв? Из какого ада он поднялся сюда? В глубине его глаз, во всем его облике – чувство вины, страдание, каких хватило бы на целый мир. Скулы выступили вперед, черты заострились, лицо, словно высеченное из камня, потемнело. Не раздумывая, повинувшись то ли рефлексу, то ли порыву чувств, она бросилась ему на грудь, прижалась, обхватила руками. Она слышала, как бьется его сердце, ощущала под ладонями бугорки лопаток. Затем она резким движением оторвалась от него, отступила на шаг. Капюшон упал, длинные светлые волосы рассыпались по плечам. Шарко смотрел на нее с нежностью. Она настолько же хороша, насколько безобразен он сам. Ему было больно, ужасно больно. Старая рана открылась.

– Мне не надо было приходить сюда.

Он медленно засунул мокрые руки в карманы, развернулся и пошел по дорожке, благословляя дождь за то, что помогает ему скрыть свою печаль, свои слишком заметные чувства. Ему – человеку, который так редко плакал. Он был уже довольно далеко, когда услышал слово, которого очень ждал и которого так боялся:

– Подожди!

Он остановился, сжал кулаки. Она, не обращая внимания на ливень, догнала его.

– Год назад Царно разлучил нас, а сегодня соединил, пока не знаю зачем. Но думаю, нам надо поговорить. Если ты согласен.

Долгое молчание. Чересчур долгое, подумала Люси. Почему он так долго молчит? О чем он думает? Он ненавидит ее за то, что так резко все оборвала, бросила его? Но в конце концов хриплый голос отозвался сквозь дождь:

– Согласен. Только недолго.

Люси повернулась к едва видимой отсюда могиле Царно. Вода текла по ее лицу, губы дрожали, она безумно замерзла.

– Мне надо видеть, как земля накроет его гроб.

Шарко кивнул, не двигаясь с места. И тогда она добавила, словно высекая на мраморе:

– Одной.

13

Он ждал, сидя в уголке кафе, обнаружившегося поблизости от кладбища, руки его обнимали большую чашку дымящегося кофе. Бешеные струи дождя с шумом бились в стекла окон, отделяя этот придорожный кабачок от мира вокруг. Две тени маячили у барной стойки с пивным насосом – завсегдатаи, приходящие сюда, чтобы вернее погубить свою печень. Никаких красок вокруг, кроме замшелой серой, выцветшей черной, потускневшей медной. Всё тут словно бы потихоньку сползало в бездонную пропасть, по дну которой, должно быть, струится бесконечная печаль.

Люси сняла в полутьме промокший плащ, дала последним каплям стечь с него на половик у входа, повесила и направилась к человеку, в одиночестве сидевшему за столиком. Прихватила по дороге стул, поставила напротив него, села и смахнула платком еще бежавшие по лицу капли.

Некоторое время они исподтишка рассматривали друг друга. Их рты приоткрылись одновременно, но слова так и не прозвучали. Люси первой ринулась на поиски выхода из положения.

– Я думала о тебе, Франк... мне случалось думать о тебе после... после того, что произошло. И я всегда видела тебя в твоём безупречно сидящем костюме, таким сильным, крепко стоящим на ногах, уверенным, выносливым. – Она кивнула на дверь, как бы в сторону кладбища. – Я представляла тебя так далеко от всей этой грязи, всей этой мерзости. Я думала, ты, может быть, забыл.

Шарко жалко улыбнулся, и Люси от этой улыбки стало еще больнее. В какой мрак он сейчас погружен?

– Чем больше проходит времени, тем глубже становится рана. Как бы я мог забыть?

Люси чувствовала, что он покорился, пропал. Воин, покинувший поле битвы. Нет смысла спрашивать его, как он, что делал эти долгие месяцы, все и так написано на его исхудалом лице, в его пустых, без единой искорки, глазах. Наверняка хватается то за одно дело, то за другое, лишь бы прошел еще один день, лишь бы миновала еще одна ночь. Наверняка погряз в работе, утонул в крови. Средство не хуже других, чтобы вымотаться, отупеть. Только бы не думать, только бы не думать, как, собственно, и она в своем бюро претензий. Люси попыталась абстрагироваться от боли, от горечи, попыталась собраться, чтобы перейти наконец-то к цели назначенной ею же самой встречи.

– Я побывала в вивоннской тюрьме, и тамошний психиатр всё мне рассказал. О том, что ты приезжал туда, о деле некой Евы Лутц, которое ты сейчас расследуешь. Ты тоже должен мне рассказать – ты должен открыть мне всё, что знаешь об этом.

Шарко хотел было ответить, но сдержал порыв – надо успокоить ее, надо заставить ее вернуться на север и все забыть. Как можно скорее.

– Грегори Царно мертв, Люси. Он умер и похоронен. Тебе больше нечего здесь делать. Возвращайся домой. Забудь все это раз и навсегда, живи своей жизнью.

– Ты ведь вроде бы в уюточку вернулся, да? Ну и где же твой напарник? Почему ты здесь один, ведь так не бывает, не должно быть? Ты же не по службе сюда приехал, так? Тогда зачем?

Шарко водил пальцем по краю чашки, но это ему не помогало, он боялся даже поднять на нее глаза.

– Вижу, ты не утратила своей наблюдательности...

– Зачем ты приехал сюда, Франк?

Он искал слова, чтобы парировать удар, искал, но не находил, справиться с Леблоном или Маньяном ему было бы вдесятеро легче. А стоило оказаться лицом к лицу с Люси, все внутренние барьеры пали. Молчание затягивалось, и он решил в конце концов сказать правду:

– Я приехал сюда, чтобы посмотреть Царно в глаза. Чтобы посмотреть, что сейчас происходит с этой сволочью. Но он умер...

Люси начало трясти, и она тщетно пыталась сдержать дрожь. Она любила этого человека, потом, как ей казалось, возненавидела его больше всех на свете, а сегодня ее уверенность в этом разбилась вдребезги. Значит, Франк Шарко никогда не забывал их: ее, Клару, Жюльетту. Значит, он жил с их призраками в душе, и это они подтачивали его изнутри – как болезнь, ведущая к трагическому исходу. Люси жестом показала официанту, что никакой выпивки ей не надо, и снова повернулась к комиссару.

– Тебе одному не справиться, Франк. Позволь, я помогу! Мне нужно разобраться, мне нужно знать. Мне нужно... необходимо делать хоть что-нибудь!

– Ты больше не служишь в полиции.

– В душе я оттуда не уходила и остаюсь полицейским. Нельзя отступить от того, что в тебе есть, пусть хоть весь мир старается тебя заставить. Сделай что-нибудь, Франк. Скажи хоть, в каком направлении двигаться. Я смотрю тебе в глаза и прошу тебя. Очень прошу. Наведи меня на след, дай зацепку. То, что ты здесь, доказывает: Царно мертв не до конца, и тебе это известно.

Шарко прижал к губам кулак, как будто предстоявшее ему решение должно было иметь необычайную важность. Что за роковая случайность свела их тут сегодня, тут, так далеко от дома, под этим словно с цепи сорвавшимся дождем? Она его умоляет, она смотрит на него, как нищенка.

– Нет, прости меня, не могу. Это слишком рискованно. Мои коллеги сейчас начнут обзывать по списку все одиннадцать пенитенциарных учреждений, где побывала Лутц, рано или поздно они доберутся до Вивонна и узнают...

– Если ты скажешь, что сам уже позвонил сюда и им звонить не надо, то ничего не узнают.

Шарко оставался непреклонным, а на лице Люси был написан гнев. Тем не менее, поднявшись, она предприняла последнюю попытку:

– Значит, ты позволишь мне уйти вот так, ничего не добившись? Даже маленького шанса получить ответы не дашь? А что я скажу Жюльетте, когда она подрастет, – что? Как я объясню ей произошедшее?

Почти выкрикнув эти слова, Люси двинулась к вешалке. Шарко, едва дыша, смотрел ей вслед, и ему казалось, что мир вокруг рушится. Он провел рукой по лицу и прошептал:

– Господи...

Мысли в его голове бешено завертелись, и, когда она уже взялась за ручку двери, он крикнул:

– Ладно!

К нему обернулись сумрачные лица завсегдатаев. Люси снова устроилась рядом с ним. Он встал, подошел к стойке, взял лист бумаги и карандаш, вернулся за столик.

– Ты могла бы освободиться прямо сейчас? На два-три дня?

Люси почувствовала, как в ней растет нечто гибельное, нечто, как ей казалось, давно утерянное: опасный азарт, который стирает в порошок все обещания, все благие намерения. Включая главное: заботиться о Жюльетте, никогда не оставлять ее одну, провожать ее каждый день в школу и встречать у школьных ворот после уроков, в тот час, когда ворота распахиваются и лица расцветают улыбками. Да попросту исполнять свои материнские обязанности. Хищница, которую она считала давным-давно умершей, оказывается, только дремала в ней и вот-вот проснется.

– Да, могу.

– Я бы предпочел, чтобы ты сказала «нет».

– Я и сама бы предпочла. Но я говорю «да».

Пауза. Последние сомнения, которые еще способны все изменить...

– В таком случае слушай меня внимательно. Я полночи разбирался в чеках, счетах, расходах по кредитной карточке Евы Лутц. И обнаружил нечто крайне любопытное. По банковским документам выходит, что двадцать восьмого августа Лутц сняла со своей «Виза Интернешнл» деньги через банкомат в деревушке Монтемон. Это в Савойе, недалеко от горнолыжного курорта Валь-Торанс. А накануне она как раз встречалась в этой самой тюрьме с Грегори Царно и его психиатром.

Комиссар продолжал рассказ, только о двух путешествиях в Латинскую Америку предпочел пока умолчать: чересчур далеко, чересчур рискованно и на сегодняшний день чересчур непонятно, а Люси лучше оставаться на периферии расследования. Пусть у нее создастся ощущение, что она работает и полезна, этого довольно.

– Она сняла со счета двести евро довольно поздно вечером, но Монтемон в общем-то дикое захолустье – так вот, использовала ли она эти деньги, чтобы оплатить там ночлег? С учетом суммы и того, что в Центре приматологии ее не хватились, просто не заметили отсутствия, ночевка должна была быть с субботы на воскресенье. Но почему Лутц так внезапно рванула именно туда, в Альпы? Это тем более любопытно, что – во всяком случае, так сказал мне утром психиатр – в беседе с ней ни доктор Дюветт, ни сам Царно никаких Альп и никакой Савойи не упоминали. Даже намеком.

Шарко записал на бумажке название затерянной в горах деревушки и подвинул листок к Люси.

– Только туда и обратно. И что касается этих дел, я должен оставаться твоим единственным собеседником, понимаешь? Никто, ни один человек на свете, не должен знать, что мы вдруг стали снова работать вместе. Мы больше не знаем, и точка.

– Ладно.

– Как ты и предлагала, я скажу своим коллегам, что звонил в Вивонн, хотел узнать, что там понадобилось Лутц. А ты попытаешься разобраться, куда ее носило, передашь мне всю информацию, какую нароешь, и вернешься домой, в Лилль. Ты не против?

– Ни в коем случае. Сменить тошнотворное бюро претензий на горы – одно удовольствие. За год я ни разу не брала отпуск: то замещала кого-то, то просто не получалось. Так что, наверное, пора. Поеду прямо отсюда, смена белья у меня с собой.

– Только помни, что ты больше не служишь в полиции.

– Спасибо за напоминание! У тебя есть фотография жертвы?

Комиссар вынул из внутреннего кармана пиджака снимок и положил его на столик перед Люси.

– Лутц была красивой молоденькой девушкой, почти ребенком. Незамужней, как ты, и обладавшей невероятной жаждой жизни. Она прыгала на резинках с мостов, фехтовала, вкалывала как черт и намеревалась сделать блестящую карьеру. Я хочу найти говнюка, который отправил ее на тот свет. Я заставлю его расплатиться!

Люси почувствовала озноб. Глаза у Франка были такие печальные, голос такой странный... Рассыпав по столу монеты, Шарко вытянул из толстенькой пачки три купюры по сто евро и протянул их Люси.

– Вот – на расходы. Это мое расследование, и тебе нет нужды тратить.

Люси хотела отказаться от денег, но он вложил купюры ей в руку и сжал ее в кулачок.

– Бери-бери! Ты же знаешь: чего у меня хватает, так это денег.

Он тяжело поднялся. Ему хотелось задать ей кучу вопросов, поговорить с ней о Жюльетте, но он не мог себе этого позволить. Надо сохранять дистанцию. Любой ценой держаться подальше от Люси, подальше от опасного чувства, которое уже овладевает им.

Он снял со стоявшей прямо позади него вешалки так и не просушенный плащ.

– Отлично. А теперь мне пора возвращаться, завтра на работу. Еще раз повторяю: все, что связано с Вивонном, останется между нами, хорошо?

Люси продолжала сидеть. Она спрятала деньги, потом ткнула пальцем в фотографию Евы Лутц.

– Дай мне свой телефон, Франк. Он у меня не сохранился.

Шарко молча написал на обороте снимка номер, наглухо застегнул плащ и вдруг, неожиданно для самого себя, но ведь неожиданной была и встреча с Люси, тихо спросил:

– Скажи мне, что говорит тебе Жюльетта, Люси. Она рассказала тебе, что было с ней в те тринадцать дней плена? Она прибегает к тебе ночью, будит? И чего от тебя хочет? Она тебя слушается?

Люси помедлила, прежде чем ответить.

– Жюльетта – просто ангел. Что бы она ни сделала и что бы ни сказала, мне всегда только приятно.

Шарко уже злился на себя, сожалел о том, что втянул Люси в свое расследование. Ей надо вернуться домой, отдохнуть. Он хотел было забрать у нее бумажку с названием горной деревни, но Люси быстро прикрыла ладонью.

– Почему, Франк?

Шарко не ответил, только кивнул, прощаясь. Надо же было поддаться слабости! Как он был сам себе противен в эту минуту!

– Позвони мне только в том случае, если что-то узнаешь. И после этого сразу домой.

Он решительно двинулся к двери и вышел под ливень. Снаружи гремело, молнии рассекали темное небо, комиссару чудилось, будто он слился с природой.

А оказавшись наконец в машине, он прошептал:

– Почему? Потому что мы оба прокляты, Люси.

14

Едешь, едешь, а ощущение, что вокруг – безвоздушное пространство...

С тех пор как ближе к полуночи она миновала Шамбери, ориентироваться приходилось только по навигатору. И если верить ему, пути оставалось еще километров пятьдесят.

Одна, никому не известная, смертельно уставшая от дороги с бесконечными поворотами, Люси чувствовала себя затерявшейся в звездной пустыне, но боялась только одного: как бы чего не случилось с машиной здесь, в этом апокалиптическом пейзаже, где вокруг ни души и ни огонька, даже небесного. Может быть, днем горы и прекрасны, но ночью они кажутся разгневанными великанами, застывшими чудовищами с обледенелыми телами, рвущими горизонт и заглатывающими любой светлый лучик. Люси представляла себе Еву Лутц в той же ситуации и пыталась понять, какая неведомая сила вынудила девушку преодолеть немалое расстояние в самый разгар работы над диссертацией, понять, что влекло ее во тьму.

Нотр-Дам-де-Крюэ, селение-призрак, затерянное в горах, она проехала за несколько минут. Казалось, все тут вымерло, не шелохнулась ни одна тень. Легко было представить, что все местные жители покоятся в своих могилах. Люси часто думала, чем люди могут заниматься в такой глуши, где ближайшая больница километрах в пятидесяти, а самая большая площадь размером с парижскую однокомнатную квартиру.

Четверть часа спустя Люси наконец добралась до Монтемона. Глаза уже не видели, челюсти ныли, затылок разламывался. Перед ней на приборном щитке была фотография Евы Лутц. Хорошенькая улыбающаяся девушка, брызжущая молодостью и силой. Рядом с фотографией – пустая бутылочка от воды, упаковка от сэндвича, листок бумаги с телефоном Шарко. Люси вновь увидела его в полутемном кафе. Он выглядит как наширканый под завязку неизлечимый наркоман. Тигр превратился в котенка, стал слабым и уязвимым. Как только ему удастся каждое утро поднимать себя с постели и выискивать в себе мотивировку для очередного рабочего дня? *Я хочу найти говнюка, который отправил ее на тот свет. Я заставлю его расплатиться!* Он сказал это таким холодным, таким бесстрастным тоном. Она успела разглядеть крупные купюры в его бумажнике – там, наверное, не меньше двух тысяч наличными. Люси знала, что после смерти жены и дочери Франку выплатили громадную страховую сумму. Он мог бы обеспечить себе прекрасный отдых, жить где-нибудь на солнышке, но он предпочел снова выйти «на землю» и топтать по грязным улицам. Почему он обрек себя на ежедневное страдание?

Дорога опять стала узкой. Около полутысячи душ рассеяно по этой чаше среди гор. Желтоватые пятна усталых уличных фонарей, облупившиеся фасады, немногочисленные спящие автомобили по обочинам. Городок, отрезанный от мира, горсточка домов, брошенная Господней рукой с неба в самое сердце Альп.

Навигатор показал, что Люси прибыла на центральную улицу, где находился банкомат. Свет фар выхватил несколько жалких витрин. Должно быть, Лутц, как и она сама, припозднилась, приехала сюда ночью, и ей понадобились деньги, чтобы оплатить ночлег. После десятиминутного кружения по ближайшим к банкомату улицам внимание Люси привлекла светящаяся вывеска, на которой красовался довольно-таки аляповатый сурок. Здравствуй, безвкусица!

Гостиница «Десять сурков» стояла чуть в стороне от дороги, на другом конце деревни. Обычный, ничем не примечательный дом с выбеленным фасадом, деревянными балкончиками и воротами в ограде. Сколько тут может быть номеров? Максимум десять. Люси припарковалась на посыпанной гравием стоянке, вылезла из машины и долго с наслаждением потягивалась. Правда, воздух оказался прохладным, ветерок пронизывающим, и она вынуждена была натянуть на себя куртку. Достала из машины сумку, где, кроме джинсов, двух футболок и белья, ничего не было...

Было около двух часов ночи, когда она поздоровалась с портье, дядькой лет шестидесяти в нижнем белье, с обычной для горца здоровенной бородой, седыми волосами и черными глазами. Он смотрел на первом итальянском канале передачу о животных, если, конечно, это можно назвать «смотрел».

– Добрый вечер! Найдется у вас номер?

Портье взглянул на новоприбывшую сонными глазами, затем перевел взгляд на доску, заполненную ключами больше чем на три четверти. Очереди из клиентов здесь явно не наблюдалось.

– Si, signora¹⁰. Восьмой свободен. Ваше имя?

Итальянец с ярко выраженным акцентом, долгое раскатистое «р». Люси с ходу сочинила:

– Амели Куртуа.

Портье записал имя и фамилию в журнал.

– Сколько вы у нас пробудете?

– День или два, как получится.

– Туристка?

Люси показала ему фотографию Евы Лутц:

– Эта девушка, возможно, побывала здесь дней десять назад. Если точно, то двадцать восьмого августа. Вы ее видели, узнаете?

Горец посмотрел на фотографию, потом на Люси, потом снова на фотографию, вид у него при этом был встревоженный, и Люси читала в его угрюмом взгляде: человек устал и меньше всего хочет лишних забот на свою голову.

– Вы из полиции?

– Нет. Ева – моя единоутробная сестра. Она уехала за границу, не оставив нам адреса. Я делаю все возможное, чтобы ее найти. Мне говорили, что вроде бы она заезжала сюда и останавливалась в вашей гостинице. Вы тут один работаете?

Портье недоверчиво взглянул на нее, нацепил на нос очки, изучил фотографию как следует, открыл свой журнал, перевернул пару страниц и указал пальцем на строку с какими-то каракулями:

– Да. Вот. Ева Лутц.

Люси сжала кулаки – вот и закончился первый этап. А портье молчал и, похоже, старался что-то припомнить. Затем он снова взглянул на фотографию, и глаза его слегка блеснули. Люси поняла: вспомнил! Вспомнил, она уверена. Но заговорила просительным, неуверенным тоном:

– Подумайте, пожалуйста... Ева стояла там, где стою сейчас я. Попробуйте вспомнить!

Портье так сжал губы, что его рот совсем исчез в бороде, и показал на номер телефона, записанный в журнале как раз под именем молодой женщины.

– Это телефон моей сестры? – спросила Люси.

Бородач, почесывая в седой шевелюре, вытащил из кармана мобильник.

– Pazienza, pazienza!¹¹ Мне кажется, этот номер... он есть в адресной книжке моего собственного телефона. Curioso!¹²

В секунду Люси забыла об усталости, обо всех своих проблемах: она напала на след девушки, с которой даже не была знакома, в ней проснулся охотничий азарт, она ощутила прилив адреналина. Охота – лучший из наркотиков, помогающий забыть самые страшные беды.

– Ну да. Вот он. Это номер его мобильного.

На экранчике телефона портье высветились имя и фамилия: Марк Кастель. Люси почувствовала, что в горле у нее сохнет.

¹⁰ Да, синьора (*ит.*).

¹¹ Погодите-погодите! (*ит.*)

¹² Странно (*ит.*).

– Кто это?

– Марк... проводник по высокогорью. Я часто рекомендую его туристам, которые намереваются полазить по скалам или подняться в горы. Наверное, я записал его номер в журнал, чтобы девушка списала, но точно не помню.

Люси нахмурилась.

– А куда Ева собиралась с этим проводником? Зачем он ей понадобился?

– Понятия не имею. Все, что я могу вам о ней сказать, это то, что номер она взяла на две ночи и в понедельник с утра уехала совсем... Вам бы лучше у самого Марка спросить. Он живет в Валь-Торансе. Могу объяснить, как туда добраться.

– Замечательно.

– Только предупреждаю: выехать надо рано-рано, чтобы добраться до места максимум... да, максимум к семи. Потому что потом Марк уйдет в горы, и ищи-свищи его до вечера.

Портье нарисовал приблизительную схему пути до Валь-Торанс, протянул бумажку Люси, она поблагодарила и протянула ему только что полученный ключ от номера.

– А можно мне поселиться в шестом? Если верить вашему журналу регистрации, Ева останавливалась именно в нем.

Шестой номер оказался уютным, но совсем крохотным. Туалет с душем, где спина упирается в стенку, односпальная кровать, телевизор размером с книжку. Единственное окошко выходило на что-то черное и бесконечное – наверное, как раз на гору. При слабом свете ночника Люси опустилась на кровать, со вздохом облегчения скинула обувь и, задумавшись, долго-долго растирала ноги. Перед глазами мелькали лица: Шарко, Лутц, Царно... Что их связывает? На первый взгляд ничего. Но что-то же есть? Что? Цепь случайностей, простое совпадение, судьба? Или что-то более существенное?

Она осторожно вытащила из кармана джинсов и засунула под перину маленький прозрачный медальон – овальную пластиковую рамочку с крючком, в которую была заключена фотография двойняшек. Последний совместный снимок ее девочек. Живая слева, погибшая справа. Люси сделала больше десятка таких медальонов и прикрепляла их, где только могла – в машине, дома, цепляла к одежде. Куда бы она ни направлялась, дети были с ней.

Они будут с ней до ее последнего вдоха.

Целых десять минут она писала эсэмэску дочери. Завтра утром Жюльетта получит ее и прочтет за завтраком – перед тем, как положить телефон в новенький ранец.

Раздевшись, помывшись и настроив будильник мобильного телефона, она села на кровать, взвесила в руке свой «манн 6,35», погладила рукоятку, со вздохом дотронулась до спускового крючка. Пистолет словно возвращал ей запахи бригады: крепчайшего кофе, только что распечатанных на принтере документов, сигарет, которые курили коллеги. Сколько уже времени она не думала об этом отрезке жизни? Оружие было заряжено, достаточно снять его с предохранителя и... Раз уж она снова влезла в шкуру полицейского, надо играть роль до конца. И все-таки она надеялась, что пистолет никогда ей больше не понадобится. Потому что из него убивают.

Вещь из прошлого...

Люси положила пистолет на тумбочку, откинулась на матрас, заложила руки за голову и уставилась в потолок. Этот номер нагоняет депрессию, внушает желание покончить с собой. Ни звука, только вода иногда побулькивает в трубах. Так тихо, что кажется, слышишь дыхание гор. Мрачные черные легкие, гранитные альвеолы... Она повернулась на бок, погасила свет и свернулась клубочком.

Кромешная тьма.

Вдруг ей вспомнилась Ева Лутц. Люси же ничего не знает об этой несчастной девушке! Встретилась ли жертва глазами со своим убийцей? Поняла ли в последние мгновения, за что ее убивают? Вот Клара не поняла... Она ушла из этого мира, крича: «Мама! Мама! Мама!»

А мамы не было. Мамы никогда не было там, где нужно.

Но она отдаст Жюльетте время, которое недодала Кларе. Она все наверстает с Жюльеттой.

– Что тебя привело в эту крысиную нору, Ева? Что ты хотела найти в горах?

Люси, не вытирая слез, закрыла глаза, готовая отдаться постоянно возвращавшемуся, преследовавшему ее со дня трагедии кошмару.

Все эти обгорелые тела в ряд – как могилы на кладбище.

Несмотря на вопли, не умолкавшие в мозгу, несмотря на то, что Люси очень боялась заснуть, сон окутал ее, как толстое теплое одеяло.

15

Пейзаж поразил Люси. От шале Марка Кастеля, построенного на той же высоте, что Валь-Торанс, открывалась великолепная панорама национального парка Вануаз: сколько видит глаз, заснеженные вершины, могучие, торжественные, как будто берушие штурмом хрустальное небо. Ближе – кажется, протяни руку и дотронешься, – рыжие, зеленые, желтые горы, играющие всеми красками рассвета. Этим ранним утром природа щедро делилась своей красотой, но при этом отнюдь не одаряла теплом. На высоте более двух тысяч метров Люси в своей тоненькой курточке и черных шерстяных перчатках уже промерзла до мозга костей.

Внешность мужчины, открывшего ей дверь, могла соперничать с красотой пейзажа. Волнующий взгляд зеленых глаз, короткие темные волосы, ангельское лицо делали его похожим на Индиану Джонса. Он был выше Люси на голову и обладал развитой, как у всех альпинистов, мускулатурой. И не пытался скрыть, что гостя разбудила его.

– Простите, что побеспокоила, но... но владелец гостиницы «Десять сурков» посоветовал мне приехать пораньше, чтобы застать вас, пока вы не ушли в горы.

Он смотрел на нее сверху вниз, как на инопланетянку:

– Вы знаете, который час, мадам? Семи нет! Кто вы такая?

Люси поступила так же, как в гостинице: протянула хозяину шале фотографию Евы Лутц. И заговорила властным, категоричным тоном: раз этот тип такой агрессивный, долой церемонии!

– Меня зовут Амели Куртуа, я из парижской уголовной полиции, и мне надо знать, зачем сюда приезжала эта девушка.

Он машинально, не сводя глаз с Люси, взял фотографию.

– Зайдите на минутку. Я себе все уже отморозил.

Люси прошла вслед за красавчиком в отделанное деревом жилище и закрыла за собой дверь. Ей очень нравились такие горные шале: медового цвета стены, гладкая – даже сквозь подошву чувствуется – поверхность полов, грубые балки. Вид через стеклянную стену гостиной – ни дать ни взять открытка. Как, наверное, приятно просыпаться под облаками, вдали от грязи больших городов, от неона реклам и гудков автомобилей.

Хозяин шале смотрел на нее, как экзаменатор на ученика:

– Из уголовной полиции? Ну и что же вам нужно от Марка?

– От Марка? Так вы – не Марк?

– Всего лишь его друг.

Люси скрипнула зубами: что, этот болван не мог раньше об этом сказать? Вздыхнув, она стала рассматривать развешанные по стенам большие фотографии. Сурки, муфлоны, горы, теряющиеся за тучами. Вся красота и роскошь мира, доступного лишь избранным.

– Я хотела задать Марку несколько вопросов об одной из его клиенток. Где он сейчас?

Движением головы он указал на горы за стеклянной стеной:

– Там, наверху... Разве вы не видели вертолетов, когда ехали сюда?

– Видела, конечно. Они летают вверх и вниз, перетаскивая какие-то огромные рулоны.

– Да, летают с половины седьмого утра. И Марк в одном из этих вертолетов. Вот уже несколько дней он принимает участие в экспедиции по спасению самых уязвимых частей ледника Жебрулаз. Для этого поверх льда будут расстелены гигантские «одеяла», составленные из тех самых рулонов и отражающие солнечные лучи, они должны защитить его от таяния в летнюю жару.

– То есть вы укрываете ледники?

– Ничтожно малую часть. Из-за глобального потепления, начавшегося в последние годы, все ледники планеты, особенно альпийские, начинают подтаивать, а за столетие некоторые из

них уже потеряли восемьдесят процентов площади. В нынешнем году проводится эксперимент по предотвращению таяния Жебрулаза – такой же, как недавно в Швейцарии, в Андерматте. Шесть тысяч квадратных метров льда предстоит упаковать в две разные пленки толщиной всего в четыре миллиметра, чтобы защитить их от ультрафиолетовых лучей, жары и дождя.

– Ну а эта девушка?

– А вот о ней надо спрашивать не у меня. Я здесь всего несколько дней.

– Ладно, а когда Марк вернется?

– Не раньше вечера. А днем он будет на леднике. Сожалею, но что поделаешь...

Люси сунула обратно в карман фотографию, подумала и поняла, что у нее всего два варианта: сидеть здесь смиренно и ждать или...

– Проводите меня к вертолетной станции, – сказала она.

16

Войдя в лифт своего дома, Шарко повернул в замочной скважине ключ и нажал на кнопку «-1», чтобы попасть на частную подземную стоянку. Ночью он глаз не сомкнул – все время думал о Люси. И, не в силах совладать с беспокойством, в десять минут четвертого отправил ей эсэмэску: «Как дела?» Около шести пришел лапидарный ответ: «Все в порядке».

В лифте он смотрел в зеркало. Впервые за целую вечность Франк зачесал назад отросшие волосы с проседью и слегка намазал их гелем, который пролежал так долго, что даже затвердел. А еще, повинувшись непонятному порыву, он надел утром свой старый темно-серый костюм – один из тех, в которых вел свои самые серьезные дела. У каждого сыщика найдется свой талисман – у кого трубка, у кого пуля, у кого медаль, а у него почему-то вот эти тряпки. Брюки с него спадали, и, чтобы проделать в черном ремне еще одну дырочку, он воспользовался машинкой, выбивающей косточки из вишен. Пиджак тоже висел на нем как на вешалке. Словом, выглядел он как Лорел в одежде Харди¹³, но какая разница! В костюме хорошего покроя он лучше себя чувствует, да и выглядит более здоровым.

Приблизившись к своему старенькому «Рено-21» и заметив тень, внезапно вынырнувшую из угла, где лежало старое барахло на выброс, в частности километры тоненьких рельсов и килограммы полиуретановых украшений для игрушечной железной дороги, он вздрогнул:

– Черт возьми, ты меня напугал!

Тень оказалась не кем иным, как Бертраном Маньяном. Хмурое лицо, черные крысиные глазки. Маньян уже сунул в рот сигарету и сейчас крутил колесико зажигалки, чтобы прикурить. Щелчок отозвался эхом в бетонных стенах подвала, желтым огоньком высветилась вырубленная из кремня физиономия. Из всех капитанов уголовной полиции Маньян обладал самым темным и неоднозначным прошлым. Он успел поработать везде – от полиции нравов до Управления по борьбе с наркотиками, он, как никто, знал дно Парижа. Он знал тайные бордели, садомазохистские клубы, знал все гнусные, все подозрительные злачные места, и кое-кто сталкивался с ним там в неслужебное время. Не говоря уже о его продолжительной деятельности на ниве борьбы с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. В подразделении, прославившемся жесткостью действий, в том числе и по отношению к несовершеннолетним.

Впрочем, сам Бертран Маньян гордился своими «подвигами», как гордятся списком заслуг и почестей.

– Неплохой костюмчик! И волосы уложил. Что-то переменялось в твоей жизни, Шарко? Бабу наконец завел?

– Чего тебе от меня надо?

– Еду вот от Фредерика Юро. Бедняга ведь обитал всего-то километрах в трех отсюда, вы были почти соседями. Ну и решил заглянуть сюда.

Сколько времени Маньян здесь торчит? Как проник в подвал? Почему он один? И что еще за намек на присутствие женщины в его, Шарко, жизни? Комиссар хотел было отпереть дверцу машины, но Маньян, опередив его, положил руку на капот:

– Минутку. Почему ты всегда так спешишь?

У Шарко перехватило дыхание: пока Маньян караулил здесь, кто-то другой вполне мог следить за ним вчера, когда он ездил в вивоннскую тюрьму, или забраться к нему в квартиру и всё там перерыть. Нет никого продажнее и изворотливее, чем полицейский, преследующий другого полицейского.

– Чего тебе от меня надо?

¹³ Стен Лорели, Оливер Харди – знаменитый комедийный дуэт. Харди был толстяком, а Лорел – очень худым.

– Хорошенькое у тебя тут местечко, *комиссар*, – и для такой дрянной тачки! Я и не знал, что «Рено-21» еще существует! А почему ты не оставляешь машину на улице?

– Потому что есть эта подземная стоянка, и эта подземная стоянка принадлежит мне.

Маньян выдержал паузу, пристально глядя на Шарко, потом обошел автомобиль, рассматривая его так, будто собирался разобрать на части.

– Можешь мне сказать, где был в пятницу вечером?

Шарко поклонился появившемуся рядом соседу, дал тому отойти в сторону и ответил, стараясь говорить потише:

– Ты продолжаешь свои происки. Я нашел тебя здесь, на своей стоянке, одного, в восемь утра. Ты решил сам заняться расследованием. Так почему бы тебе не допросить шлюх и сутенеров, которые болтались поблизости от места преступления той ночью? Почему ты не выполняешь своих обязанностей как положено?

– Наоборот, выполняю: я все время при деле и делаю именно то, что предписывает долг. И потому спрашиваю: надо полагать, в ту самую пятницу около полуночи ты был у себя дома?

– От тебя ничего не скроешь.

– Вот только никто не может этого подтвердить?

– От тебя ничего не скроешь.

Маньян, лукаво улыбаясь, достал блокнот, показал его Шарко:

– Знаешь, что тут?

– Откуда? Конечно нет. Там адрес твоей последней возлюбленной? Ну и кто на этот раз? Румынка восемнадцати лет?

– Не надо так вести себя, *комиссар*! Знаешь, когда ты загадил место преступления, я погрузился в одну забавную игру. Я подумал: а что, если разобраться, кто он на самом деле, этот *комиссар* с таким тяжелым прошлым? Дело Юро, согласишься, замечательно подходящий повод тобой поинтересоваться.

– Как грустно, что тебе совсем нечего делать...

– Опять мимо. Просто я все это принял слишком близко к сердцу. Ну и побеседовал немножко со сторожем твоего дома. И он мне сообщил кое-что интересное.

Маньян снова взял паузу, рассчитывая, что в Шарко проснется любопытство и его слабая сторона станет очевидна. Но комиссар и бровью не повел. Сцена напоминала поединок двух кобр: вот они встали на хвосты и молча смотрят одна на другую перед решающей схваткой. Маньяну ничего не оставалось, как продолжить объяснения:

– За то время, что этот сторож тебя знает, ты почти всегда оставлял машину на ближайшей к дому стоянке. В нескольких метрах от его служебного помещения. Если б ты завел себе БМВ, я бы понял твое внезапное желание укрыть ее от ненастья и возможных преступников. Но эту грудку ржавого железа... – Маньян наклонился, провел тыльной стороной ладони по чистому бетонному полу. – Тут все как новенькое. Твой сосед по стоянке заверил меня, что это место всегда пустовало, а поскольку стоянка узкая, он парковался наискосок, занимая часть принадлежащей тебе площадки. Но вдруг, на прошлой неделе, ты сообщил ему, что намерен сам парковаться в подвале, поэтому он больше не должен посягать на твое пространство...

Голос резонировал, возвращался от стен эхом. Слышался шорох шин: люди уезжали на работу. Шарко снова почувствовал, как в нем растет напряжение.

– И что? – спросил он. – Хочешь посмотреть мои последние анализы? Мое нынешнее физическое состояние не позволяет носить тяжести, а коробки с водой, с молоком, они, знаешь ли, тяжелые. Оглянись и увидишь: там, за твоей спиной – дверь лифта, который доставляет меня прямо в квартиру. А если я паркуюсь снаружи, мне, чтобы попасть домой, нужно пройти не меньше двухсот метров и подниматься по ступенькам. Признаюсь, мне трудно понять твои намерения, трудно понять, почему ты любой мой поступок расцениваешь как повод меня на чем-то поймать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.